

Над городом, без выхода

Влад Велирский

Влад Велирский

Над городом, без выхода

<https://litres.ru/74336617>

SelfPub; 2026

Аннотация

В последнее воскресенье сентября колесо обозрения «Панорама» замирает над Яровском. В кабинах — случайные пассажиры, которым холод, страх и обрывочная связь не оставляют возможности спастись поодиночке.

Инженер Лариса Нечаева знает о конструкции больше остальных — и скрывает, что сама подписала временный допуск после переноса полного обследования. Пока директор парка требует штатного перезапуска ради рабочих мест и репутации, любое движение меняет нагрузку, а признание Ларисы способно одновременно разрушить доверие и предотвратить катастрофу.

Чтобы спуститься, незнакомцам придётся создать собственный порядок: передавать сообщения без общего канала, проверять каждую команду, распределить право сказать «стоп» и отказаться от одного удобного героя. «Над городом, без выхода» — тёплый ансамблевый роман о цене молчания, границах ответственности и доверии, которое начинается не с обещания, а с честно названного следующего шага.

Содержание

От автора	4
Глава 1. Последний круг	7
Глава 2. Семь голосов	20
Глава 3. Штатный случай	35
Глава 4. Лишний килограмм	49
Глава 5. Световой алфавит	65
Глава 6. Подпись	79
Глава 7. Голосование без равных	92
Конец ознакомительного фрагмента.	109

Влад Велирский

Над городом, без выхода

От автора

Большое колесо обещает простой договор: несколько минут над крышами — и возвращение в ту же точку. Маршрут известен заранее, кабинка закрыта, механизм испытан, а город внизу на время становится понятнее. С высоты улицы складываются в рисунок, чужие окна — в тёплые квадраты, собственные заботы — в вещи, которые будто бы можно разглядеть целиком.

Эта книга начинается в тот момент, когда договор нарушается.

Люди, оказавшиеся над городом, не выбирали друг друга. У них разный возраст, разные причины подняться на колесо и разные представления о том, кто должен говорить первым. Кто-то умеет сохранять спокойный голос. Кто-то знает устройство металла. Кто-то принёс с собой вещь, которая кажется бесполезной, пока не становится необходимой. Никто не располагает всей картиной, хотя каждому очень хочется поверить обратное.

Мне было важно написать не историю о чудесном сплочении и не состязание за звание самого доброго или само-

го смелого. В настоящем общем деле люди редко становятся удобнее. Они спорят, ошибаются, защищают своё, запаздывают с правдой и по-разному понимают справедливость. Сообщество начинается не с полного согласия. Иногда оно начинается с гораздо меньшего: один человек точно повторяет чужой сигнал; другой признаёт предел своих знаний; третий уступает очередь не потому, что полюбил незнакомца, а потому, что риск действительно выше у другого.

Ещё это роман о профессиональной ответственности. Компетентность даёт человеку возможность заметить опасность раньше остальных, но не вручает право решать за них, сколько правды они способны вынести. Признание ошибки тоже не работает как волшебная кнопка. Оно может ухудшить положение, разрушить репутацию и не вызвать немедленного прощения. Его ценность проявляется в другом: после него общее решение наконец опирается на настоящие данные.

«Над городом, без выхода» — художественное произведение. Яровск, парк, колесо «Панорама» и герои вымышлены. Технические обстоятельства здесь служат развитию характеров и конфликта, а не являются инструкцией. Там, где персонажи вынуждены выбирать в условиях аварии, за пределами романа решение принадлежало бы профессиональным спасателям и ответственным службам.

Колесо в этой истории остановится. Но пауза не отменит движение. Просто путь вниз окажется не продолжением за-

ранее обещанного круга, а последовательностью решений, которые людям придётся принять вместе.

Глава 1. Последний круг

К последнему кругу очередь стала короткой и обидчивой.

Люди уже не толкались к кассе, а долго разглядывали цену, тёмное небо и собственных детей, словно надеялись, что кто-нибудь из троих примет решение за них. Над входом в парк мигала половина слова «СЕЗОН»: сначала загорались красные буквы «СЕ», потом фонарь внутри вывески вздыхал, и оставалась одна рамка. Из динамиков у сцены ведущая бодро обещала финальный фейерверк, хотя рабочие в оранжевых жилетах уже снимали гирлянды с лип.

— Мы можем просто пройтись, — сказала Ася.

Она произнесла это без нажима, и оттого Лариса сразу услышала нажим.

— Мы уже прошлись.

— От машины до кассы — не прогулка.

— От машины до кассы семьсот метров.

— Ты считала?

Лариса не ответила. Семьсот двадцать, если обходить лужу у закрытого тира, но сообщать это было бы так же неразумно, как поправлять человека, который сказал «сто лет тебя не видел». Она посмотрела на колесо.

«Панорама» поднималась над парком на семьдесят с лишним метров — белая днём, сейчас она казалась нарисованной поверх неба тонким карандашом. По ободу бежали лам-

пы: синие, жёлтые, опять синие. Между ними попадались тёмные промежутки. Кабинки двигались медленно, каждая на секунду задерживалась у платформы, принимала людей и уходила вверх с беззаботностью пустого лифта.

Неделю назад Лариса стояла у основания колеса, положив ладонь на холодный кожух редуктора. Тогда удар пришёл через металл: короткий, сдвоенный, не громче упавшего в мастерской ключа. Механик рядом ничего не услышал. Олег Бастрыкин услышал, но назвал это остаточной вибрацией после торможения.

Лариса попросила дать ещё один оборот без пассажиров. Ей дали половину.

Теперь она увидела Бастрыкина возле служебной калитки. Директор парка говорил с кем-то по телефону и свободной рукой показывал рабочему, куда унести сложенные пластиковые ограждения. Серое пальто было расстёгнуто, на шее болтался пропуск. Он заметил Ларису не сразу. Когда заметил, рука с телефоном замерла у уха.

Лариса отвела взгляд первой.

— Ты же сама предложила колесо, — сказала Ася.

— Я предложила парк.

— В парке есть колесо.

— В парке есть скамейки.

— Прекрасно. Сядем на скамейку и посмотрим, как другие люди получают впечатления.

Асе было семнадцать, и любую фразу она умела произне-

сти так, будто взрослые построили мир исключительно для того, чтобы она могла обнаружить в нём недочёты. Лариса помнила этот возраст иначе — как время, когда сама предпочитала молчать, чтобы никто не успел воспользоваться её ответом. Возможно, поэтому разговоры с дочерью иногда напоминали спор двух специалистов из разных областей: каждая считала термины другой неточными.

— Один круг, — сказала Лариса.

Ася улыбнулась слишком быстро.

— Последний.

— Это и написано на табло.

— Я не про табло.

Телефон в кармане Ларисы завибрировал. Она знала, чьё имя увидит, ещё до того, как достала его.

Бастрыкин.

Она отклонила вызов.

— По работе? — спросила Ася.

— В воскресенье вечером?

— Это был вопрос.

— Спам.

Первая ложь оказалась даже не ложью, а пустым местом, аккуратно оставленным между двумя репликами. Лариса умела делать такие места незаметными. В актах они назывались «в пределах допустимых значений», в разговорах — «потом объясню», дома — «ничего срочного».

У кассы мальчик лет восьми пытался выбрать между са-

харной ватой и поездкой. Бабушка держала его за капюшон и убеждала, что с высоты весь Яровск будет как на ладони. Мальчик возражал, что на ладони не бывает домов. За ними мужчина в светлом костюме снимал с лацкана белую бумажку и прятал в карман. Рядом молодой фотограф, не опуская камеры, убеждал его, что вечерний свет держится ещё минут десять.

— Последняя посадка! — крикнула девушка у турникета.
— Кто едет, не задерживаемся!

Лариса автоматически посмотрела на служебную калитку. Бастрыкина там уже не было.

Они с Асей вошли на платформу. Рифлёный металл под ногами слегка дрожал — ровно, без провалов. Оператор придержал кабинку за поручень. На его жилете было вышито «Панорама», а ниже — чужое имя, Андрей, хотя девушка у пульта назвала его Славой.

— Осторожно, порожек, — сказал он. — Вдвоём садитесь по разным сторонам.

Лариса остановилась.

— Почему по разным?

Парень пожал плечами.

— Чтобы ровнее было.

— Это новое требование?

— Всегда так просим.

— Нет, не всегда.

Ася уже забралась внутрь и села лицом к парку.

— Мам.

Оператор посмотрел на очередь, потом на Ларису. В его взгляде появилось знакомое выражение человека, которому задали вопрос чуть сложнее, чем предусматривала смена.

— У нас всё по инструкции, — сказал он.

Это не было ответом. Лариса могла выйти. Следующая кабина подошла бы к платформе, заняла бы их место, колесо продолжило бы движение. Она могла найти Бастрыкина, потребовать журнал осмотров, вызвать механика и снова услышать про конец сезона, городской контракт и то, что полное обследование назначено на вторник.

Во вторник колесо уже не должно было работать.

Лариса шагнула в кабину.

Дверь закрылась с таким звонким щелчком, будто механизм поставил точку в споре.

— Ты сейчас устроила проверку человеку, у которого на спине другое имя, — сказала Ася.

— У него на спине имя владельца жилета.

— Именно это я и хотела сказать.

Кабинка поднялась над платформой. Сначала совсем немного: под ногами проплыла крыша кассы, на ней лежали две пластиковые бутылки и перчатка. Потом дорожки парка распрямились, палатки сблизилась, и сцена стала похожа на раскрытый чемодан. За оградой стояли машины, дальше начинались дома, а за домами темнела Волга — широкая полоса без единого огня посередине.

Ася придвинулась к стеклу.

— Смотри, наш автобус.

— Это не наш.

— С высоты все автобусы наши.

Лариса улыбнулась. Ася поймала улыбку отражением и тоже улыбнулась, но поворачиваться не стала.

Они не виделись одиннадцать дней, хотя жили в одной квартире. Ася уходила в лицей раньше, возвращалась после курсов, ужинала с ноутбуком в комнате. Лариса дважды ночевала в командировке, один раз — в лаборатории после испытаний перекрытия торгового центра. В остальные вечера они обменивались сведениями: хлеб есть, кота покормили, квитанция на столе. В пятницу Ася написала: «В воскресенье закроют парк. Сходим?» Лариса ответила большим пальцем вверх между двумя рабочими сообщениями.

Теперь этот палец казался обещанием, которого она не читала.

— Тебе страшно? — спросила Лариса.

— Нет.

— Ты держишься за ручку.

Ася разжала пальцы.

— А ты считаешь кабинки.

Лариса перестала считать. До верхней точки оставалось девять.

В соседней кабинке выше мужчина в костюме сидел, упев локти в колени. Фотограф напротив него что-то говорил

и показывал на город, но мужчина не смотрел. Ниже ехали бабушка с мальчиком. Мальчик прижал ладони к стеклу; бабушка вытирала за ним следы бумажной салфеткой. Ещё ниже женщина в белой куртке держала на коленях огромную коробку, перевязанную бечёвкой.

— Давай сфотографируемся, — сказала Ася.

— Здесь бликует.

— Можно один раз не оценивать условия?

Ася подняла телефон. Лариса увидела на экране их лица: дочери приходилось вытянуть руку, чтобы обе поместились; позади между головами сияла река. Лариса попыталась не смотреть на стык оконной рамы. На нижнем болте проступала рыжая точка.

— Ты опять не сюда смотришь.

— Я смотрю.

— На болт.

— Он в кадре.

— Мам, я тоже в кадре.

Телефон опустился.

Лариса хотела сказать, что Ася, конечно, важнее болта. Фраза была правильной и потому непригодной: правильные фразы дочь узнавала мгновенно, как фальшивые купюры. Вместо этого Лариса пересела ближе к ней. Кабинка отозвалась лёгким качанием.

— Не надо, — резко сказала Ася.

— Что?

— Она качается.

— Это подвес. Он и должен компенсировать движение.

— Тогда почему оператор просил сесть по разным сторонам?

— Для удобства посадки.

— Ты пять минут назад сама ему не поверила.

Лариса посмотрела вниз. Платформа была уже далеко, но не настолько, чтобы люди превратились в точки. Она различила девушку у пульта, очередь из четырёх человек и серое пальто Бастрыкина за ограждением. Он стоял лицом к колесу, телефон снова был у уха.

На этот раз Ларисин телефон не завибрировал.

Колесо подняло их к линии крыш. В домах зажигались окна. На балконе девятиэтажки женщина снимала бельё, топясь до вечерней сырости. На перекрёстке автобус пропустил бегущего человека. За рекой медленно ползли огни грузового состава. Город не становился понятнее — он просто показывал больше одновременных жизней, чем можно было удержать вниманием.

— Я подала документы в Нижний, — сказала Ася.

Лариса повернулась к ней.

— Какие документы?

— Предварительную заявку. На дизайн среды.

— В Нижнем нет программы, которая называется «дизайн среды».

— Есть. Она называется длиннее.

— Когда ты собиралась сказать?

— Сейчас.

— После подачи?

— Это предварительная.

— И всё же.

Ася посмотрела за стекло.

— Я хотела сначала понять, возьмут ли портфолио. Чтобы не обсуждать то, чего может не случиться.

Лариса услышала собственную интонацию. Даже не слова — способ уложить молчание в разумную упаковку, подписать и убрать в папку до лучших времён.

— Это другое, — сказала она.

— Конечно.

— Речь о твоём образовании.

— Поэтому ты должна узнать первой?

— Поэтому мы должны были обсудить варианты.

— Мы обсуждаем варианты только после того, как ты выберешь безопасный.

Кабинка прошла верхнюю точку. На секунду движение почти исчезло, и Яровск раскрылся до самого тёмного края: трубы ТЭЦ, огни моста, новый квартал, где улицы ещё не успели обрасти деревьями. Лариса заметила своё отражение — светлое лицо поверх города — и подумала, что Ася выбрала вершину не случайно. Здесь труднее уйти из разговора под предлогом чайника, звонка или раннего подъёма.

— Я не выбираю за тебя, — сказала она.

Ася промолчала.

— Я пытаюсь понять риски.

— До того, как я пойму, чего хочу.

— Риски существуют независимо от желаний.

— А желания существуют независимо от твоих таблиц.

Сверху по металлу пришёл удар.

Не звук — сначала толчок, передавшийся через раму в спинку сиденья. Потом короткое железное «так-так», с паузой между слогами. Кабинка дрогнула. За стеклом огни обода на мгновение вытянулись в полосы.

Лариса схватилась за поручень.

— Что это? — спросила Ася.

Колесо продолжало идти. Медленнее или так только показалось? Лариса посмотрела на спицы, на соседнюю кабину, на положение горизонта. Ветер раскачивал подвесы неравномерно. Двойной удар больше не повторялся.

Неделю назад он был тише.

— Стык, — сказала Лариса.

— Какой стык?

— Технологический. Когда ролик проходит соединение.

Она говорила спокойно, и это подействовало: Ася убрала руку от дверной защёлки. Лариса заметила движение и почувствовала укол такой силы, будто дочь уже попыталась открыть дверь.

— Ничего не трогай.

— Я и не трогаю.

— Сядь глубже.

— Ты сказала, это стык.

— И всё равно не надо вставать.

Ася села. Теперь она смотрела не на город, а на мать.

Лариса достала телефон. Связь была, но возле фамилии Бастрыкина висело три пропущенных. Она нажала вызов. В трубке возник длинный гудок, оборвался, начался снова.

Колесо замедлилось.

Это уже не казалось. Кабинка впереди почти остановилась, чуть качнулась, пошла ещё на полметра. Внизу оператор у пульта нагнулся к панели. Девушка в форменной куртке подбежала к нему. Бастрыкин исчез за служебной дверью.

— Мы стоим? — спросила Ася.

— Пока нет.

Телефон продолжал вызывать.

Колесо дёрнулось. Где-то ниже вскрикнули — не от страха, скорее от неожиданности. Кабинку отвело назад, подвес вернул её вперёд. По ободу одна за другой погасли синие лампы. Остались жёлтые, и в их редком свете спицы стали похожи на кости огромного зонта.

Движение прекратилось.

Лариса считала секунды. На четвёртой включился аварийный свет внутри кабины. На седьмой в трубке вместо гудка прозвучало: «Абонент временно недоступен». На десятой Ася спросила:

— Это нормально?

Вопрос был простым. Лариса могла ответить на него честно: остановка аттракциона сама по себе не означала аварии; автоматика могла сработать из-за скачка питания, чужой незакрытой двери, сигнала датчика. Она могла назвать десяток причин, девять из которых не требовали бояться.

Но она уже знала одиннадцатую.

— Такие остановки предусмотрены, — сказала Лариса.

— Я спросила не это.

Снаружи закрипел металл. Кабинка медленно накренилась вправо — всего на несколько градусов, но бутылка воды в сетчатом кармане перекатилась к краю.

Лариса упёрлась ногами в пол и не сводила глаз с верхнего шарнира. В памяти всплыл лист обследования: вибрация в допустимом диапазоне; локальная выработка без отрицательной динамики; эксплуатация возможна до полного инструментального контроля. Под последней строкой стояла её подпись.

Громкоговоритель под потолком щёлкнул.

— Уважаемые посетители, сохраняйте спокойствие, — произнёс мужской голос. — Произошла штатная техническая пауза. Колесо продолжит движение в ближайшее время. Оставайтесь на местах.

Ася медленно повернула голову.

— Штатная?

Лариса посмотрела вниз. У пульта теперь было трое. Один из них держал дверцу шкафа открытой, второй говорил по

рации, девушка отгоняла людей от платформы. Никто не смотрел вверх.

Кабинка снова накренилась, немного сильнее.

Телефон Ларисы ожил в руке.

Бастрыкин.

Она приняла вызов и поднесла телефон к уху.

— Не включайте привод, — сказала она вместо приветствия.

В динамике повисло дыхание. Потом Бастрыкин спросил:

— Ты где?

Лариса подняла взгляд на Асю. Дочь сидела напротив, обеими руками держась за край скамьи, и ждала ответа не ему.

— В кабине, — сказала Лариса. — Над городом.

Глава 2. Семь голосов

— Над городом где? — спросил Бастрыкин.

Лариса посмотрела на табличку под потолком. Номер кабины был напечатан мелко, почти в стыке с рамой.

— Четырнадцатая. После верхней точки, восточный сектор. Примерно без десяти четыре по циферблату.

— Понял. Сиди спокойно.

— Привод не включайте.

— Я услышал.

— Олег, мне нужен фактический сигнал защиты. Что сработало?

В трубке что-то зашуршало. Бастрыкин прикрыл микрофон ладонью, но Лариса различила два чужих голоса. Один повторял «по питанию чисто», второй спрашивал про сброс ошибки.

— Сейчас разбираемся, — ответил Бастрыкин. — Не нагнетай. Пять минут, и поедете.

— Не сбрасывайте защиту, пока не установите причину.

— Я же сказал: разбираемся.

Связь оборвалась.

Лариса набрала снова. Экран показал одну полосу сети, затем ни одной. Она подняла телефон к стеклу, словно лишние полметра могли вернуть базовую станцию.

— Значит, не спам, — сказала Ася.

— Нет.

— И ты знала, что может что-то случиться.

Снизу донёлся крик:

— Эй! Там! Запускайте уже!

Слова поднялись между кабинками, отражаясь от металла. Кто-то ответил с другой стороны колеса, но ветер разорвал фразу. Затем закричали ещё двое. Один голос требовал открыть двери, женский голос звал Андрея, третий уверял всех сразу, что видел такие остановки и это «на две минуты».

Лариса положила телефон экраном вниз.

— Я знала, что колесо должны дополнительно обследовать.

— Поэтому привела меня покататься?

— Его должны обследовать после закрытия сезона. Эксплуатацию не запрещали.

— Кто не запрещал?

Снизу кто-то ударил ладонью по стеклу. Кабина качнулась, движение передалось подвесу, затем по ободу пришла слабая дрожь. Лариса замолчала и прислушалась. Не повторение прежнего удара — пока нет. Просто несколько кабин раскачивались вразнобой.

— Сядьте! — крикнула она в приоткрытую форточку. — Не раскачивайте кабину!

— Чего? — откликнулся мужской голос снизу.

— Сядьте на место!

— А вы кто такая?

Ася подняла брови.

— Отличный вопрос.

В кабинке над ними фотограф высунул руку с камерой в узкое окно. Ремень был дважды обмотан вокруг запястья. Он пытался снять происходящее внизу, перевешиваясь через скамью.

— Выше! — позвала Лариса. — Уберите руку и сядьте!

Фотограф обернулся. Вместо лица в окне показался объектив.

— У нас тут прямая трансляция? — спросил он.

— У вас кабина на подвесе. Не переносите вес рывками.

— Она всегда на подвесе.

— Сейчас колесо неподвижно.

— Спасибо, заметил.

Он всё-таки убрал камеру, но не сел. Мужчина в светлом костюме потянул его за рукав. Фотограф отмахнулся.

— Денис, не дёргай. Я посмотрю, что там у пульта.

— Ты уже всё посмотрел, Тимур.

— Если бы я всё посмотрел, нас бы здесь не было.

— Если бы ты хоть иногда убирал камеру, нас бы здесь тоже не было.

Имена остались в воздухе: Тимур и Денис.

Снизу раздался детский плач — не громкий, а сердитый, как после несправедливого замечания.

— Бабуль, скажи им!

— Сейчас скажу. Молодой человек! — Женщина с маль-

чиком высунулась к окну. — Здесь ребёнок! Немедленно спускайте!

С земли ей никто не ответил. Тогда она повернулась вверх:

— Вы там с телефоном! Дозвонились?

— Связь пропала, — сказала Лариса.

— А вы ещё звоните! Не надо сидеть!

— Я буду звонить. Сядьте рядом с мальчиком и не переходите по кабине.

— Мы и не переходим.

Женщина как раз перешла от окна к внуку. Кабинка качнулась. Мальчик перестал плакать и с интересом посмотрел на бутылку, которая покатилась по полу.

— Вот, — сказала Лариса. — Сейчас вы изменили положение веса.

— Это что, запрещено?

— Бабуль, она сказала не ходить.

— Митенька, я слышала. Я к тебе подошла.

— Вернитесь на место, — попросила Лариса.

— Я ребёнка одного не оставлю.

Между кабинками было метров шесть, но спор сделал расстояние почти домашним. Лариса видела синий капюшон мальчика, пакет на коленях женщины и её тонкие ботинки, совсем не для холодного вечера. Она могла объяснить разницу между динамической и статической нагрузкой, успокоить словом «расчётная», добавить, что подвесы именно для

этого и устроены. Но она не знала, что происходит в приводном узле, и любое общее объяснение сейчас могло стать решением двигаться.

— Вы не оставите его одного, если сядете напротив, — сказала она. — Смотрите на него и говорите с ним.

— А вы командовать поставлены?

— Нет.

— Тогда не командуйте.

Женщина села рядом с мальчиком. Формально она не послушалась; фактически перестала ходить. Лариса решила не исправлять победу.

— Меня Зоя Петровна зовут, — сообщила женщина. — А это Митя. Чтобы вы знали, кого держат в воздухе.

— Лариса. Со мной Ася.

— Я сама могу представиться, — тихо сказала Ася.

— Вот и представься громче, — отозвалась Зоя Петровна. — А то вас там не слышно.

— Ася!

— Очень приятно! Хоть познакомимся перед падением.

— Бабуль!

— Что «бабуль»? Я шучу. Сейчас без шутки ещё хуже будет.

— Про падение лучше не шутить, — сказал кто-то сбоку.

Голос был женский, низкий и спокойный. Лариса наклонилась к другому окну. На соседней стороне обода, чуть ниже их уровня, в одиночной кабинке сидела женщина в тём-

но-зелёной куртке. Она не пыталась высунуться и говорила, сложив ладони рупором.

— Правильно говорит, — поддержала Зоя. — Кто вы?

— Инга.

— Просто Инга?

— Пока достаточно.

Митя засмеялся. Зоя Петровна возмущённо повернулась к нему, но тоже улыбнулась.

Из кабинки с большой коробкой высунулась женщина в белой куртке. Лариса только теперь поняла, что приняла за женщину худого мужчину с длинными волосами, собранными в пучок. Он придерживал коробку коленом и безуспешно пытался открыть окно шире.

— Роман, — объявил он, не дожидаясь вопроса. — У меня двадцать четыре пирожных. Если мы останемся здесь до завтра, голод никому не грозит.

— А диабет? — спросила Инга.

— Диабет не входит в стоимость набора.

— Очень смешно, — сказала Зоя Петровна.

— Спасибо. Я работал над формулировкой весь подъём.

— А вы не могли работать над тем, как нас отсюда снять?

— Могу предложить кремовую лестницу. Но до вас не дотянется.

Сверху засмеялся фотограф Тимур. Денис в светлом костюме не смеялся. Он сидел, глядя в телефон, и несколько раз нажимал вызов. Лариса видела белый цветок, теперь за-

жатый у него в кулаке.

Голос из динамика снова попросил пассажиров сохранять спокойствие. На этот раз объявление читала девушка. Она споткнулась на словах «технические специалисты», кто-то подсказал ей возле микрофона, и фраза началась заново.

— Сколько ждать? — крикнул Тимур.

— Почему не говорят время? — добавил Денис.

— Потому что сами не знают, — сказала Инга.

— У меня ребёнок! — напомнила Зоя Петровна.

— У нас у всех кто-нибудь есть, — ответил Роман.

— У вас пирожные.

— Они тоже зависимые.

С дальней стороны колеса внезапно раздался усиленный голос:

— Друзья, спокойно! Сейчас мы все по очереди...

Говорившую не было видно, но тембр Лариса узнала: та самая ведущая со сцены. Она, видимо, поднялась в одну из последних кабин и прихватила беспроводной микрофон. Связь с колонками работала с задержкой, поэтому окончание фразы пришло с земли через секунду:

— ...выясним!

Парк повторил её голос гулким эхом.

— Алёна! — закричал кто-то у платформы.

— Да, это я! — ответила ведущая уже без микрофона, а затем снова включила его: — У нас небольшая пауза, но службы парка...

Колонки внизу взвыли. Высокий свист прошёл по кругу, заставив людей закрыть уши. Микрофон замолчал.

— Извините! — крикнула Алёна своим голосом.

— Отличный праздник, — сказал Денис.

— Ты сам хотел последний кадр, — напомнил Тимур.

— Я хотел уехать.

— Ты хотел, чтобы за тебя решили, уезжаешь ты или нет.

— Закрой рот.

— А то что?

Денис встал.

Кабинка над Ларисой пошла в сторону. Тимур ухватился за раму и тоже поднялся, будто собирался принять спор стоя. Движение передалось подвесу, потом спице; одновременно Зоя Петровна снова пересела к окну, Роман потянулся за телефоном, а невидимая Алёна пыталась докричаться до всех. Несколько голосов наложились один на другой.

Металл под ногами Ларисы дрогнул.

Она услышала длинный скрежет — тихий, но непрерывный. Не там, где ударило прежде. Он мог быть обычным движением подвесного шарнира. Мог.

— Всем сесть! — крикнула Лариса.

Никто не слышал.

— Денис, вернись на место! — кричал Тимур.

— Митенька, не трогай окно!

— Уберите телефоны от динамиков!

— На земле кто-нибудь есть?

— Друзья, сохраняем...

Лариса ударила ладонью по металлической раме.

Звук получился резким и одиноким. Ближайшие голоса на секунду стихли.

— Кричит один человек! — сказала она. — Остальные сидят и слушают!

— Почему это вы? — спросил Тимур.

— Не я. По очереди.

— Кто очередь назначит?

— Начнём с тех, кому нужна помощь.

— Нам всем нужна помощь, — сказал Денис.

— Срочная. Ребёнок, лекарства, травмы. Есть у кого-нибудь?

Пауза вышла короткой, но впервые за последние минуты колесо наполнилось не голосами, а ветром. Где-то хлопала незакреплённая лента. Снизу доносилась музыка карусели — её почему-то не выключили.

— У Мити астма, — сказала Зоя Петровна. — Но сейчас всё нормально. Ингалятор с собой.

— Митя, дышать легко? — спросила Инга.

— Легко.

— Полными предложениями можешь?

— Я могу очень длинными предложениями, если бабушка разрешит.

— Не умничай.

— Сейчас пусть умничает, — сказала Инга. — Это полез-

ный признак. Зоя, ингалятор держите рядом, но без необходимости ничего не давайте. Я медсестра.

Лариса отметила: первая открытая квалификация. Она сама могла произнести следом: инженер по обследованию сооружений. Тогда вопросы прекратились бы на несколько секунд, а потом стали бы точнее и опаснее. Почему она здесь? Что услышала? Может ли колесо упасть? Кто разрешил эксплуатацию?

Ответы у неё были не на все вопросы. На некоторые — слишком хорошие.

— Ещё кому-то нужна помощь? — спросила она.

— Мне нужно выйти, — сказал Денис.

— Это не медицинская причина, — отрезала Инга.

— Вы не знаете.

— Тогда скажите.

— Не обязан.

— Значит, пока считаем, что нет.

— Прекрасно. Уже назначили врача и начальника.

— Я не врач.

— А она не начальник, — сказала Ася.

Все ближайшие кабинки будто повернулись к ним, хотя повернуться не могли.

— А кто? — спросила Зоя Петровна.

Лариса почувствовала взгляд дочери.

— Лариса, — сказала она. — Просто Лариса.

— Пока достаточно, — повторила Инга, и по её голосу

нельзя было понять, поддерживает она или запоминает.

Лариса продолжила:

— Сейчас важно не раскачивать кабины и не перекриваться. Называем номер кабины, имена, сколько человек. Потом проверим связь и передадим вниз список.

— Зачем список? — спросил Тимур.

— Чтобы никто не потерялся.

— Кабинки прозрачные.

— С земли не видно, кому нужна помощь. И на дальней стороне нас не слышат.

— А вы точно не из парка? — спросил Роман.

— Точно.

Это было правдой. Лариса никогда не работала в парке. Только осматривала его конструкции по договору, подписанному с городским управлением имущества. Правда оказалась удобной, и от этого стало хуже.

— Четырнадцатая, — сказала она. — Лариса и Ася, двое. Без травм.

— Тринадцатая! — крикнула Зоя Петровна снизу. — Зоя и Митя. Двое. Астма, сейчас приступа нет.

— Пятнадцатая, Тимур и Денис, — отозвался фотограф. — Двое, физически целы, психологически вопрос.

— Говори за себя, — сказал Денис.

— Говорю: я цел.

— Шестнадцатая, Инга, одна, — донеслось сбоку. — Медсестра. Аптечка маленькая, но есть.

— Одиннадцатая! — крикнул Роман. — Один человек, двадцать четыре пирожных, коробка тяжёлая. Номер десять пустой, я видел на посадке.

Голос Алёны пришёл с дальней стороны:

— Восемнадцатая! Алёна, одна. У меня микрофон, телефон и заряд сорок один процент.

— Остальные слышат? — спросила Лариса.

С разных высот отозвались ещё люди: пожилая пара в пятой, отец с двумя подростками в шестой, две студентки в двадцатой. Голоса уходили за верхнюю точку, повторялись соседями, возвращались искажёнными. Семеро, которых Лариса уже различала по именам и интонациям, оказались не всем колесом, а только ближайшей цепочкой. Но цепочка заработала.

Ася открыла заметки в телефоне и стала записывать номера.

— Пятая — двое, шестая — трое, — сказала она. — Двадцатая — две. Там одну зовут Лена, вторую не расслышала.

— Передай дальше, чтобы повторили.

Ася высунулась к форточке ровно настолько, чтобы её голос ушёл вверх, и крикнула:

— Двадцатая, повторите второе имя!

Ответ пришёл через Тимура, потом через Ингу, хотя кабинка Инги была не по прямой. «Вера» превратилась по дороге в «Леру», затем снова в «Веру». Ася записала и показала экран Ларисе, но телефон не отдала.

На платформе внизу погасла музыка. Людей оттесняли за ограждение. К служебной дороге подъехала машина с оранжевой полосой; мигалка не была включена. Два сотрудника вынесли складные конусы. Движения казались маленькими и бесшумными, словно город смотрел немое кино.

Громкоговоритель щёлкнул в третий раз.

— Уважаемые посетители, — сказал Бастрыкин. — Специалисты проводят диагностику. Просьба сохранять спокойствие и не перемещаться по кабинам. Связь будет поддерживаться через громкоговоритель.

Он использовал её указание, не назвав причины.

— О, теперь не перемещаться, — заметил Роман. — А раньше можно было танцевать.

— Тихо, — сказала Инга. — Пусть договорит.

— Ориентировочное время возобновления движения — десять минут.

Лариса посмотрела на часы. Семь минут уже прошли с первого объявления.

— При наличии медицинских обстоятельств сообщите сотрудникам голосом через соседние кабины. Не предпринимайте самостоятельных действий.

Динамик отключился.

— Десять минут, — с облегчением сказала Зоя Петровна. — Митенька, слышал? Сейчас поедem.

— Он сказал ориентировочно, — возразил Тимур.

— А вам обязательно всё портить?

— Я уточняю.

— Он специально сказал «десять», — тихо произнесла Ася. — Чтобы мы не звонили спасателям.

Лариса посмотрела на дочь.

— С чего ты взяла?

— Потому что так делают взрослые. Называют маленький срок, чтобы никто не начал решать сам.

Упрёк был адресован не Бастрыкину.

Телефон Ларисы снова показал одну полоску сети. Она набрала номер директора. Вызов не прошёл. Тогда она открыла сообщения и написала: «Подтверди: защита не сброшена. Нужен код ошибки. Не запускать без причины остановки».

Сообщение осталось с серым значком.

Сверху Тимур спросил:

— Просто Лариса, а почему вы говорили директору не включать привод?

Ветер стих. Даже дальние голоса замолчали, будто вопрос передали по цепочке без повторения.

Лариса убрала телефон в карман.

— Потому что после непонятной остановки сначала выясняют причину.

— Это здравый смысл или вы что-то знаете?

— Здравый смысл.

— У меня здравый смысл говорит, что аттракцион не должен останавливаться на высоте.

— Ваш здравый смысл сейчас должен посадить вас на скамью.

Роман хмыкнул. Зоя Петровна сказала: «Вот тут правильно». Тимур сел — Лариса увидела, как его голова исчезла из верхнего окна.

Правило одного голоса сработало. Люди называли друг другу имена, передавали сведения с дальней стороны, спрашивали Митю о дыхании. Кабинки почти перестали качаться.

Только Ася больше не записывала. Она смотрела на мать с той сосредоточенностью, с какой Лариса неделю назад слушала металл.

— Ты не ответила мне, — сказала она негромко.

— На что?

— Кто не запретил эксплуатацию?

Лариса могла солгать. Вместо этого она посмотрела вниз, где у пульта открыли шкаф управления, и оставила между ними ещё одно пустое место.

Глава 3. Штатный случай

Ася ждала ответа, держа телефон обеими руками. На экране светился список кабин, имён и коротких примечаний: «астма, сейчас нормально», «аптечка», «двое, спорят». Рядом с четырнадцатой кабинкой она поставила тире и ничего не написала.

Лариса смотрела не на дочь, а вниз.

У шкафа управления прибавилось людей. Оператор в синей ветровке стоял в стороне, прижав локти к бокам, а Бастрыкин говорил с женщиной в сером комбинезоне. Даже с высоты было видно, как директор рубит воздух ладонью: коротко, ребром, будто вся остановка состояла из неверно поставленных слов и их можно было выровнять.

— Ты слышала вопрос, — сказала Ася.

— Слышала.

— И?

Телефон Ларисы завибрировал. На этот раз вызов прошёл сразу.

— Не говори никому, что ты инженер, — сказал Бастрыкин вместо приветствия.

Голос у него был негромкий. На земле он по-прежнему стоял у шкафа, отвернувшись от собравшихся сотрудников.

— Код защиты.

— Сейчас не об этом.

— Именно об этом. Что сработало?

— Ложный сигнал по приводу. Электрик проверяет цепь.

— «Ложный» — это вывод после проверки, а не до неё.

— Лариса, послушай меня. Уже вызвали техников. Резервный режим поднимет кабины на платформу. Плавно, без рывка. Две-три минуты.

— Кто принял решение?

В трубке стало слышно ветер. Бастрыкин отошёл от остальных ещё дальше.

— Пока никто. Мы готовим вариант.

— Тогда не называй его решением.

— Хорошо. Готовим вариант, который снимет людей до того, как здесь появятся камеры, родители, начальство и специалисты, которые сначала оцепят половину набережной, а потом трое суток будут выяснять, кто имел право нажать кнопку.

Лариса прикрыла микрофон ладонью. Ася не отводила глаз.

— Скажи пассажирам, что связь с землёй есть, — продолжил Бастрыкин. — Пусть не звонят наружу. Линия перегружится, начнутся слухи. Один напишет про обрыв, второй — про наклон опоры. Нам нужен один канал.

— Канал к кому?

— Ко мне.

— Ты не спасательная служба.

— А её пока никто и не вызывал.

Лариса убрала ладонь от телефона.

— Вызови.

— На штатную остановку?

— На остановку с неизвестной причиной.

— Причину устанавливают. Не надо превращать рабочий случай в катастрофу только потому, что ты оказалась внутри него.

Слово «штатную» он произнёс так, словно оно было не определением, а крышкой. Закрыл — и ничего не видно.

— Олег, назови код.

— Я пришлю, когда электрик подтвердит. А ты пока удержи людей. У тебя получается. Никаких прямых эфиров, никаких звонков в сто двенадцать. Через несколько минут всех опустим.

Связь оборвалась.

Лариса посмотрела на экран. Вызов длился минуту сорок семь. Сообщение с требованием не запускать привод по-прежнему не было доставлено.

— Он не вызвал спасателей, — сказала Ася.

Это прозвучало не как вопрос.

— Он вызвал техническую службу.

— Это разные люди?

— Да.

— А сказал всем, что службы парка работают. Удобно.

— Сейчас не время разбирать формулировки.

— У тебя всегда не время.

Сверху окликнул Тимур:

— Есть новости от здравого смысла?

Лариса высунулась к форточке.

— Техническая служба проверяет привод. Пока остаёмся на местах.

— Это мы уже знаем, — сказал Денис. — Когда вниз?

— Точного времени нет.

— Директор сказал десять минут.

— Ориентировочно, — напомнил Тимур.

— Прошло четыре, — отозвалась Ася.

— Вот, у нас ещё и хронометрист есть.

Снизу Зоя Петровна потребовала повторить. Фразу передали через кабины, и к дальней стороне она ушла уже в виде: «точного времени спуска нет». Оттуда почти сразу прилетел вопрос, вызвали ли спасателей.

Лариса не ответила.

— Не вызвали, — сказала Ася громче.

Несколько голосов заговорили одновременно. Правило одного говорящего рассыпалось не сразу — сначала треснуло в трёх местах. Зоя возмутилась, Тимур спросил, откуда известно, Алёна попыталась включить микрофон. С земли донёсся короткий свист колонок, и микрофон снова отключился.

— Не кричим, — сказала Лариса. — Я уточняю.

— Ты уже уточнила, — возразила Ася.

— Не сейчас.

Лариса протянула руку к её телефону.

— Дай мне список.

Ася прижала телефон к груди.

— Зачем?

— Передам Бастрыкину данные по пассажирам.

— Тому, который никого не вызвал?

— Тому, у кого есть связь с землёй.

— У нас тоже есть.

Она подняла экран. В верхнем углу то появлялась, то исчезала одна полоска сети.

— Связь нестабильная. Не трать заряд.

— На что его беречь?

— На случай, когда он действительно понадобится.

— А как мы узнаем, что случай уже действительно случился?

Лариса узнала собственную интонацию: ровную, почти вежливую, оставляющую другому человеку только плохие ответы. Ася научилась ей не сегодня.

Внизу Бастрыкин направился к пульту. Серый комбинезон полез внутрь открытого шкафа. Оператор покачал головой; директор сказал ему что-то, после чего тот всё же подошёл ближе.

— Сядь, — велела Лариса.

— Я сижу.

— И не публикуй ничего. Пока мы не знаем, что происходит, нельзя разгонять панику.

— Я ничего не разгоняю.

— Ася.

Дочь опустила взгляд на экран. Большой палец двигался по нему слишком быстро для списка пассажиров.

Лариса потянулась к телефону. Ася отвернулась, прижала локоть к боку и нажала что-то у самого окна.

— Удали.

— Уже.

— Что «уже»?

— Уже опубликовала.

Кабинка качнулась. Не из-за механизма — Лариса слишком резко подалась вперёд. Она заставила себя сесть прямо.

— Покажи.

На экране было вертикальное видео длиной двадцать три секунды. Сначала в кадр попадало лицо Аси — бледное, с волосами, которые ветер перебрасывал через губы. Потом камера уходила вниз: игрушечная платформа, неподвижные кабинки, люди за ограждением. Голос Аси говорил: «Мы застряли на “Панораме”. Нам называют десять минут, но спасателей не вызвали. Здесь ребёнок с астмой. Если кто-то внизу знает, что происходит, напишите. Только не приезжайте к парку — оставьте дорогу свободной».

Ни крика, ни слёз. Даже просьба не собираться у парка.

Под видео стояла подпись: «Яровск. Последний день сезона».

— Удаляй, — сказала Лариса.

— Зачем?

— Там ребёнок. Ты сообщила о его здоровье без разрешения.

Ася замерла. Это был точный аргумент, и Лариса почти обрадовалась его точности.

— Лица Мити нет. Имени нет.

— Всё равно удали.

— Потому что про Митю или потому что про спасателей?

— Потому что ты не понимаешь последствий.

— Объясни.

— Сейчас некогда.

— Тогда ты тоже не понимаешь. Ты просто хочешь, чтобы последствий не было видно.

Лариса забрала телефон. Ася не удерживала его — только разжала пальцы и посмотрела так, что победа сразу стала мелкой и бесполезной.

Видео успело набрать восемьдесят семь просмотров. Пока Лариса искала меню, число сменилось на сто три. Появились комментарии: «Это правда?», «У меня сестра в парке», «Позвоните 112 сами». Один человек написал, что колесо каждый сентябрь останавливают на профилактику; другой — что видел пожарную машину. Никакой пожарной машины внизу не было.

Лариса нажала «удалить».

Приложение задумалось. Полоска сети исчезла.

— Не удалилось, — сказала Ася.

— Откуда ты знаешь?

— У меня автозагрузка. Оно уже там.

Экран обновился. Сто сорок девять просмотров. Кто-то сохранил видео и переслал в городской канал.

Лариса вернула телефон.

— Напиши уточнение. Что угрозы падения нет.

— Ты уверена?

Она не ответила сразу, и Ася горько усмехнулась.

— Вот именно.

— Напиши, что кабины неподвижны, связь с администрацией есть, причина остановки неизвестна. И чтобы не приезжали.

— Это и так почти сказано.

— «Почти» сейчас мало.

Ася набрала текст. Перед публикацией показала матери, не из послушания — как проверяющему, который обязан поставить подпись под каждой своей оговоркой.

Лариса кивнула.

Снизу раздался голос Бастрыкина:

— Уважаемые посетители, подготовка к возобновлению движения продолжается. Просим не распространять непроверенную информацию. Все необходимые специалисты находятся на месте.

— Какие именно? — крикнул Тимур.

Громкоговоритель не предполагал ответа.

Телефон Аси начал вибрировать без перерыва. Сообще-

ния приходили пачками: одноклассники, классный руководитель, незнакомые аккаунты. На экране высветилось «Папа», но Ася сбросила вызов.

— Ответь ему, — сказала Лариса.

— Зачем? Чтобы он позвонил тебе и ты сказала, что всё штатно?

— Чтобы он не узнал из чужого канала.

— Уже узнал.

Ася открыла переписку и написала несколько слов. Лариса отвернулась, оставляя ей хотя бы это пространство.

У ограждения внизу люди доставали телефоны и поднимали их к колесу. Одна женщина вырвалась из-за ленты, сотрудник парка преградил ей дорогу. Женщина показывала экран и указывала наверх. За деревьями на набережной остановились две машины, потом третья. Из одной вышел мужчина со штативом.

Город узнал о них не как о пассажирах, а как о картинке над крышами.

— Ого, — сказал Тимур. — У нас зрители.

— Не радуйтесь, — отозвалась Инга.

— Я фотограф. У меня профессиональная деформация.

— Деформацию лечат покоем. Сидите.

— Ася, это ты выложила? — спросила Зоя Петровна.

— Я.

— Про Митю тоже?

— Без имени и лица. Простите. Я могу удалить, но его

уже переслали.

Зоя долго молчала. Лариса приготовилась вмешаться, хотя не знала, кого будет защищать.

— Пусть знают, что ребёнок тут, — сказала наконец Зоя.
— Только пусть не пишут, что он задыхается. Он не задыхается. Митя, скажи.

— Я не задыхаюсь! — крикнул мальчик и закашлялся от громкости.

— Не ори теперь.

— Ты сама сказала.

Инга попросила его спокойно назвать три вещи, которые он видит. Митя перечислил реку, крышу театра и чью-то красную шапку внизу. Голос у него оставался ровным.

— Слышали? — сказала Зоя. — Напишите правильно.

Ася добавила уточнение. Потом спросила:

— Можно написать, что бабушка подтвердила?

— Не бабушка. Зоя Петровна.

— Хорошо.

— И что ингалятор при нём.

— Зоя, он не при нём, он у вас, — поправила Инга.

— Какая разница?

— Сейчас никакой. В следующую минуту может быть.

Зоя переложила ингалятор из сумки в карман куртки и застегнула молнию. Это маленькое действие успокоило всех сильнее очередного обещания с земли.

Телефон Ларисы зазвонил снова.

— Это ты позволила? — спросил Бастрыкин.

— Нет.

— Тогда убери видео.

— Оно разошлось.

— Пусть напишет, что ошиблась. Что спасатели вызваны.

— Они вызваны?

Бастрыкин выдохнул в трубку.

— Я сказал: все необходимые специалисты на месте.

— Это не ответ.

— Потому что ты задаёшь вопрос так, будто собираешь материал для комиссии. Тебя с дочерью нужно снять, а не выиграть формулировку.

— Вызови спасателей.

— Дежурный уже связывается с ними для консультации.

— То есть нет.

— То есть процесс идёт. Но теперь у ворот журналист, в городском канале пишут про разрушение опоры, а заместитель мэра требует доклад каждые пять минут. Электрик боится тронуть пульт, потому что его лицо уже снимают. Вот последствия вашей честности.

— Не называй слухи её честностью.

— Не называй двадцать три секунды правдой. Там нет ни кода ошибки, ни состояния привода, ни того, что мы делаем.

— Потому что ты этого не говоришь.

Внизу Бастрыкин поднял голову. Найти четырнадцатую кабинку среди отражений было трудно, но Ларисе показа-

лось, что он смотрит точно на неё.

— С этой минуты разговариваешь только со мной, — сказал он. — Не с пассажирами о технике, не с журналистами, не с городскими каналами. Если тебе звонят, переводишь на администрацию парка. Девочке скажи то же самое.

— Ты не можешь запретить пассажирам звонить.

— Пассажирам — нет. Тебе могу напомнить о профессиональной ответственности.

— Моей?

— Нашей, если тебе так легче. Ты знаешь, что любая фраза инженера сейчас станет заключением. Скажешь «перекос» — напишут «опора падает». Скажешь «защита» — напишут «аварийная». Поэтому никаких терминов. Я даю тебе факты, ты удерживаешь кабины спокойными.

— Ты пока дал мне только обещания.

— Через четыре минуты пробуем резервный ход.

— Без кода защиты — нет.

— Ты не у пульта.

— Зато я на колесе.

— Поэтому и говори со мной.

В трубке щёлкнул другой голос. Кто-то рядом с Бастрыкиным сказал: «Олег Сергеевич, из администрации». Он прикрыл микрофон, но не успел полностью.

— Я перезвоню, — сказал он. — И, Лариса... не заставляй меня объяснять, почему ты вообще оказалась там в выходной.

Вызов закончился.

Ася смотрела на неё.

— Он угрожал?

— Предупредил.

— Это слово для угрозы, когда угрожает знакомый?

Лариса убрала телефон в карман.

— Он хочет, чтобы я говорила только с ним.

— А ты?

Снизу к пульту поднесли переносной аккумулятор. Электрик в сером комбинезоне присел перед шкафом. Оператор отошёл ещё на шаг, словно заранее отделял себя от решения.

По цепочке кабин снова пошли вопросы. Правда ли будет запуск? Вызвали ли спасателей? Почему у ворот никого не пропускают? Алёна попросила дать ей точную фразу для микрофона. Инга спросила только одно: изменится ли положение кабин.

Лариса понимала, что Бастрыкин прав в одном: любое техническое слово начнёт жить отдельно от смысла. Но молчание уже тоже жило отдельно. Оно становилось подтверждением чужих догадок и разрешением нажать кнопку без свидетелей.

Она высунулась к окну.

— Всем слушать, — сказала Лариса. — Администрация готовит пробный запуск через несколько минут. Причина остановки мне не названа. Я попросила не включать привод до проверки.

— Почему? — сразу спросил Тимур.

— Потому что неизвестную остановку нельзя считать штатной только по объявлению.

— А она опасная?

— Я не знаю.

Слова ушли по кругу. «Она не знает» передавали без искажений.

Бастрыкин снова позвонил, но Лариса не ответила.

Ася открыла заметки и рядом с четырнадцатой кабинкой, после тире, написала: «Лариса попросила не запускать».

— Это тоже опубликуешь? — спросила Лариса.

— Пока нет.

— Почему?

— Потому что теперь ты сказала сама.

Внизу директор поднёс телефон к уху и поднял свободную руку, требуя остановить работу у шкафа. Электрик замер на корточках. Переносной аккумулятор остался лежать возле его ботинка.

На несколько секунд над городом ничего не происходило.

Потом за деревьями появилась синяя вспышка. Она скользнула по окнам домов, пропала и возникла снова — ближе, у поворота на служебную дорогу.

Кто-то всё-таки вызвал спасателей.

Глава 4. Лишний килограмм

Синяя вспышка снова прошла по окнам домов, и люди в кабинках дружно повернули головы к служебной дороге. Колесо ответило на это движение тихим протяжным скрипом.

— Спасатели! — крикнул кто-то с дальней стороны.

Слово прокатилось по кругу быстрее любого распоряжения. В нём уже было обещание лестниц, касок, твёрдой земли и людей, которые знают, что делать. Даже Денис перестал считать минуты. Тимур высунул телефон к форточке, пытается поймать в кадр синюю полосу между деревьями.

— Не все одновременно, — сказала Лариса.

Её почти не услышали.

В кабинке снизу Митя тоже потянулся к окну. Зоя Петровна придержала его за плечо и начала расстёгивать карман, будто собиралась показать подъехавшим спасателям ингалятор как пропуск. Кабинка качнулась. Что-то маленькое стукнуло о пластик, подпрыгнуло и исчезло под сиденьем.

Митя вскрикнул:

— Бабушка!

— Что?

— Баллончик.

Зоя Петровна опустилась на колени. Её светлая шапка пропала из окна, потом показалась у самой двери. Кабинка наклонилась вслед за ней.

— Не вставайте, — сказала Инга из следующей кабины.

— Зоя, слышите меня? Посадите Митю и сами сядьте.

— Он закатился!

— Никуда не денется. Сначала сядьте.

— Ему дышать нечем, а вы говорите сесть.

— Он сейчас дышит. Митя, ты меня слышишь?

— Да.

— Говори со мной. Не лезь под лавку.

Мальчик появился у окна. Одной рукой он держался за раму, другой указывал вниз, словно Инга могла увидеть сквозь пол.

— Он возле двери. Бабушка не достаёт.

Зоя выпрямилась слишком резко. Кабинка ушла от колеса, вернулась и толкнулась подвесом с сухим звуком. Над нею качнулся Тимур, следом дрогнула четырнадцатая.

Ася схватилась за край сиденья.

— Мама.

— Сидим ровно.

Лариса смотрела не вниз, а на зазор между рамой кабины и стойкой подвеса. Он то сужался, то возвращался. Ничего страшного в самом колебании пока не было. Страшно было то, как быстро одно человеческое движение передавалось дальше, превращаясь в движение системы, которую никто из пассажиров не видел целиком.

— Зоя, останьтесь у окна со стороны колеса, — попросила Инга. — Митя пусть сядет напротив. Медленно.

— Напротив где? — спросила Зоя. — К реке?

— Нет, я сказала: вы ближе к колесу, он напротив вас.

— Так он и будет у двери!

— Тогда рядом. Главное — не наклоняйтесь оба в одну сторону.

Связь между кабинками резала слова ветром. Зоя услышала только последнюю часть.

— В разные стороны, Митя. Давай туда.

Мальчик послушно перебрался к дальнему сиденью. Зоя, решив уравновесить его, шагнула в противоположный угол. На полпути она вспомнила про ингалятор, развернулась и снова нагнулась к двери.

Кабина дёрнулась.

На этот раз звук пришёл не от подвеса. Внизу, внутри огромного неподвижного круга, что-то отозвалось двумя ударами: первый глухой, второй выше и короче. Лариса почувствовала его ступнями раньше, чем услышала.

— Замрите! — крикнула она.

Зоя застыла в неудобной позе, упираясь ладонью в стекло. Митя тоже замер. Его рот был открыт, но он молчал.

— Не двигайтесь. Оба.

— Я только достану, — сказала Зоя.

— Нет.

— Девушка, у ребёнка астма.

— Я знаю. Инга, скажите ей.

— Зоя, делайте, как говорит Лариса. Митя сейчас в по-

рядке. Митя, медленный вдох носом. Не глубокий, обычный. Потом скажешь мне своё имя полностью.

— Дмитрий Ковалёв.

— Отлично. Теперь сколько тебе лет?

— Девять.

— Врёшь ведь, — сказала Зоя, не меняя позы. — Восемь ему. В октябре девять.

— Значит, силы спорить есть, — ответила Инга. — Оставайтесь так ещё секунду.

Лариса дождалась, пока затихнет видимое покачивание соседних кабин. С земли кричали через громкоговоритель, но слова налезали друг на друга и рассыпались. У пульта люди махали руками. Один из спасателей в синей куртке остановился за ограждением и смотрел наверх, приложив ладонь к глазам.

— Теперь, Зоя Петровна, сядьте на ближайший край лавки, — сказала Лариса. — Не переходите кабину. Просто опуститесь там, где стоите.

— А Митя?

— Пусть не двигается.

— Мы же тогда оба с одной стороны.

— Сейчас это лучше, чем два встречных движения.

— Почему?

Лариса могла ответить коротко: потому что я сказала. Именно так ей хотелось. Короткое распоряжение не требовало признаний, не оставляло места для спора и было похо-

же на безопасность. Но после видео Аси любая недосказанность обрастала чужими догадками быстрее, чем железо — ржавчиной.

— Потому что ваша кабинка висит свободно, — сказала она. — Когда вы идёте в разные стороны, вы не просто делите вес. Вы раскачиваете её двумя движениями подряд. А сейчас нам нужно погасить движение, а не добиться красивого равновесия.

Зоя осторожно села.

— Так правильно?

— Да. Митя, оставайся на месте.

— А баллончик?

— Мы его достанем. Не сейчас.

— Вы видите, где он? — спросила Инга.

— Под дверью, — сказал Митя. — Он блестит.

— Дверь закрыта?

— Конечно закрыта, — возмутилась Зоя.

— Я проверяю, а не обвиняю. Не трогайте её. Лариса, можно им потом пересесть вместе ближе?

Вопрос прозвучал просто, почти буднично. Но в нём было новое: Инга спрашивала Ларису не как самую громкую пассажирку и не как хозяйку списка. Она спрашивала человека, который знает устройство колеса.

Лариса подняла глаза. Ася уже смотрела на неё.

— Можно, когда вся линия успокоится, — ответила Лариса. — По одному движению. Сначала Зоя Петровна осво-

бождает проход, потом Митя, потом она. Без наклонов к двери.

— Откуда вы знаете про линию? — спросил Тимур сверху.

— Видно же, — сказал Денис. — Кабинки одна за другой качаются.

— Видно качание. Про порядок она знает.

— Сейчас это важно? — вмешалась Алёна.

— Сейчас всё важно, — отозвался Роман. — Особенно то, что помогает не уронить ещё что-нибудь.

— Я ничего не уронил специально, — сказал Митя.

— Конечно не специально. Я двадцать четыре пирожных тоже не специально поднял на высоту. Теперь охраняю их как государственный резерв.

Митя хихикнул. Смех оборвался кашлем, коротким и сухим.

Зоя снова подалась к нему.

— Не двигайтесь, — одновременно сказали Лариса и Инга.

Зоя сердито выпрямилась.

— Я его бабушка. Я не могу не двигаться, когда он кашляет.

— Можете, — спокойно сказала Инга. — Если движение сейчас ему мешает. Митя, выдохни, как будто остужаешь чай. Не быстро. Хорошо. Ещё раз.

Кашель не повторился.

— Это от ветра, — сообщил мальчик. — И я слюной подавился.

— Вот и договорились. А ингалятор всё равно вернём.
С земли наконец донеслось разборчивое:

— Пассажиры! Сохраняйте неподвижность! Не пытайтесь самостоятельно доставать упавшие предметы!

— Очень своевременно, — сказал Тимур.

— Они могли увидеть, — заметила Ася.

Лариса посмотрела вниз. Спасатель в синем показывал кому-то на одну из кабин. Рядом Бастрыкин говорил сразу с двумя людьми: держал телефон у уха и свободной рукой пытался оттеснить журналиста за ленту. Электрик стоял у шкафа, больше не касаясь переносного аккумулятора.

Телефон Ларисы завибрировал. На экране появилось имя директора.

Она сбросила вызов.

— Почему не отвечаешь? — спросила Ася.

— Сейчас нужно закончить с Митей.

— А потом ответишь?

— Потом.

Ася тихо повторила это слово, проверяя на вкус. «Потом» у неё получилось почти беззвучным.

Лариса передала по цепочке просьбу не менять места, пока не успокоятся все кабины. Денис сообщил, что они с Тимуром и так сидят. Алёна подтвердила за дальнюю сторону. Роман спросил, считается ли перемещением поедание пи-

рожного, и сам же решил, что пока считается. Реплики помогали: люди обозначали себя голосом вместо движения.

Они ждали.

Ожидание длилось меньше минуты, но в нём уместилось слишком многое: шум машин на набережной, стрекотание микрофона Алёны, дыхание Аси рядом и настойчивые звонки в кармане. Кабины одна за другой переставали покачиваться. Последней успокоилась та, где сидели Зоя и Митя.

— Теперь возвращаем ингалятор, — сказала Инга. — Лариса, ведите.

— Почему она? — спросила Зоя. — Вы же медсестра.

— Потому что я отвечаю за то, когда он нужен. А Лариса сейчас лучше понимает, как вам двигаться.

Ветер будто специально стих, чтобы этот ответ услышали все.

— Я инженер, — сказала Лариса.

Слово оказалось легче, чем должно было. Оно не включало парк, подпись, прошлую неделю и перенесённое обследование. Всего лишь профессия. Удобная доля правды.

— По чему? — спросил Тимур.

— По обследованию сооружений.

— Вот оно что, — протянул Денис.

— Вы это колесо обследовали? — спросила Инга.

Лариса слышала, как рядом Ася перестала дышать на полувдохе.

— Давайте сначала достанем ингалятор.

Никто не возразил. Но пауза, возникшая после её ответа, осталась висеть между кабинами вместе с вопросом.

Лариса попросила Зою сдвинуться на ширину ладони, не вставая. Потом Митю — пересесть ближе к ней. Мальчик двигался преувеличенно медленно, выставив руки, как канатоходец из старого цирка.

— Можно быстрее, — сказала Зоя.

— Нельзя, — ответил он. — Я сейчас сооружение.

Тимур рассмеялся первым. За ним Алёна, потом Роман. Даже Лариса улыбнулась, хотя следила за подвесом и не видела лица мальчика.

Когда Митя оказался рядом с бабушкой, оставалось до-
стать баллончик. Он лежал у порога, слишком далеко для
руки с сиденья.

— У меня трость, — сказала Зоя.

— Не надо, — ответила Лариса.

— Я подтяну. Не вставать же.

— Тростью можно задеть дверь.

— Она закрыта.

— Поэтому и не надо её задевать.

— Тогда как?

Решение нашёл Митя. Он снял с себя вязаную шапку с
длинными завязками и предложил набросить её на ингаля-
тор.

— Не набросишь, — сказала Зоя. — Это тебе не рыба.

— А варёжкой?

Одна варежка была пристёгнута к рукаву на широкой резинке. Митя снял её, оставив резинку на запястье, и опустил на пол. Не наклоняясь, стал двигать носком ботинка. Варежка медленно ползла к блестящему баллончику.

— Только ногой, корпус не переносить, — сказала Лариса и тут же пожалела о командном тоне.

Митя не обиделся. Он сосредоточенно поддел ингалятор краем варежки, прижал к порогу и потянул резинку. С первого раза баллончик выскользнул. Зоя шумно вдохнула, но осталась сидеть. Со второго варежка накрыла его целиком. Резинка натянулась, баллончик проехал по полу и остановился возле Митино ботинка.

— Есть! — крикнул он.

— Не вскакивай, — предупредили сразу пять голосов.

— Я знаю.

Он поднял ингалятор и протянул бабушке. Зоя прижала его к груди обеими руками, потом спохватилась и передала обратно.

— Держи сам.

— Ты говорила, потеряю.

— А я уже потеряла.

— Я уронил.

— Мы вместе потеряли, — заключила она и застегнула баллончик в нагрудном кармане его куртки. — Теперь вместе не потеряем.

Инга попросила Митю сделать один обычный вдох из

устройства по привычной ему схеме, без спешки, а затем ещё раз назвать три вещи, которые он видит. Он назвал спасателя, микрофон Алёны и пирожные Романа, хотя последнее видеть не мог.

— Это я запомнил, — объяснил он.

— Значит, внимание работает, — сказала Инга. — Пока всё хорошо.

— Пока, — повторила Зоя, но уже без возмущения.

По кругу прошёл облегчённый шум. Люди заговорили разом, потом сами остановились, вспомнив правило. Алёна предоставила слово Роману, и тот торжественно объявил, что пирожные по-прежнему в количестве двадцати четырёх, хотя морально их осталось семнадцать.

Лариса позволила себе посмотреть на Асю.

Дочь держала телефон экраном вниз. Сообщения продолжали приходить, отчего пластик коротко дрожал о сиденье. Она не брала его.

— Ты давно инженер по этому колесу? — спросила Ася.

— Не по колесу. По сооружениям.

— Я слышала.

— Тогда зачем спрашиваешь?

— Потому что ты отвечаешь не на тот вопрос.

Лариса посмотрела к форточке. Тимур что-то объяснял Денису о синей вспышке, Инга разговаривала с Зоей, дальние кабины передавали новость, что ребёнок в порядке. Никто будто бы не слушал четырнадцатую. На высоте, где звук

шёл по металлу и воздуху, это ничего не значило.

— Я работаю с парком, — сказала она тихо.

— Сейчас?

— По договору. Периодически.

— Ты проверяла «Панораму»?

— Да.

Ася кивнула, как будто получила ожидаемый ответ. На лице не было ни торжества, ни испуга. Это пугало сильнее.

— Когда?

— Были плановые осмотры.

— Когда последний?

— Ася, сейчас не место.

— Мы застряли в этом месте.

— Здесь люди слышат.

— Поэтому правду можно говорить только дома?

— Дома ты тоже не спрашивала о моей работе.

— Я спрашивала, почему мы приехали сюда сегодня. Ты сказала: погулять.

Лариса вспомнила вход в парк, запах сладкой ваты и ладонь Аси, которую она не взяла. Потом — звонок Бастрыкина и слово «спам». Каждая мелочь по отдельности ещё могла сойти за бытовую неточность. Вместе они уже складывались в маршрут.

— Я хотела посмотреть на колесо, — призналась она.

— Как обычный посетитель?

— Нет.

Ася ждала.

— Неделю назад я слышала вибрацию, — продолжила Лариса. — Сегодня хотела проверить, повторится ли она под полной нагрузкой.

— Поэтому посадила нас внутрь?

— Я не ожидала остановки.

— Это не ответ.

Лариса сжала пальцы. Вопрос дочери был устроен безупречно: любой ответ оставлял виноватой. Сказать «да» значило признать, что она использовала прогулку и дочь как прикрытие. Сказать «нет» — солгать ещё раз, уже после того, как ложь стала видна.

— Да, — сказала она. — Я села, чтобы услышать её в движении.

Ася отвела взгляд.

Внизу спасатели разворачивали возле ограждения складной стол. На него положили какие-то папки и рацию. Бастрыкин пытался участвовать во всём сразу. Со стороны он выглядел не директором, а человеком, который боялся хоть на секунду выпустить происходящее из рук.

— Ты знала, что опасно? — спросила Ася.

— Я знала, что звук нужно проверить.

— Но не сказала мне.

— Я не хотела пугать тебя предположением.

— Ты не хотела, чтобы я отказалась садиться.

Лариса открыла рот и закрыла. Ася снова задала вопрос

так, что точность была единственной формой жестокости, которую нельзя осудить.

— Возможно, — сказала Лариса.

— Не «возможно». Ты ведь всё считаешь. Нагрузку, движение, последствия. Посчитала и меня.

— Я ошиблась.

— В расчёте?

— В том, что решила за тебя.

Дочь подняла на неё глаза. На миг Ларисе показалось, что этого достаточно: назвать ошибку, не защищая её. Но Ася спросила:

— А неделю назад ты тоже решила за всех?

Телефон снова завибрировал в кармане. На этот раз не звонок — сообщение от Бастрыкина. Лариса не достала его, но словно увидела текст: не говори терминов, не становись заключением, помни о профессиональной ответственности.

— Что случилось неделю назад? — повторила Ася.

Сверху перестали разговаривать. Тимур больше не шутил. Инга тоже молчала. Вопрос, произнесённый негромко, каким-то образом дошёл до соседей.

Лариса посмотрела на неподвижный обод. Между спицами мерцал город, где люди включали свет на кухнях, не подозревая, что их обычный вечер виден отсюда тысячью маленьких безопасных окон. Ей захотелось выбрать одно и думать только о нём.

— Я слышала такой же удар, — сказала она.

— И?

— Сообщила директору.

— Он закрыл колесо?

— Нет.

— Ты закрыла?

— У меня нет права закрывать парк единолично.

— Ты написала, что на нём нельзя кататься?

Вот теперь вопрос добрался до места, которое Лариса охраняла все три главы их общей высоты. Она почувствовала это почти физически — как ингалятор, закатившийся под дверь: маленькая вещь, без которой внезапно зависело дыхание.

С земли ожил громкоговоритель:

— Лариса Нечаева, выйдите на связь с руководителем спасательной группы. Повторяю: Лариса Нечаева, ответьте на телефонный вызов.

По кабинам прошёл шёпот. Теперь у «просто Ларисы» появилась фамилия, должность и человек на земле, который считал её необходимой.

Телефон зазвонил.

На экране был незнакомый номер.

Ася посмотрела на него, потом на мать.

— Ответь, — сказала она. — Но после разговора ты ответишь мне.

Это не было просьбой.

Лариса приняла вызов.

— Нечаева слушает.

Мужской голос представился старшим смены и задал первый вопрос: известно ли ей, что именно остановило колесо.

Лариса увидела, как Бастрыкин внизу оборачивается к кабинам, прижимая собственный телефон к уху.

— Точно — нет, — ответила она. — Но перезапускать его до обследования нельзя.

— На каком основании?

Рядом Ася ждала ответа на другой вопрос.

Лариса положила ладонь на холодный край сиденья, словно могла удержать им всю кабину.

— На основании моего осмотра недельной давности, — сказала она.

Глава 5. Световой алфавит

— На основании какого именно осмотра? — спросил старший смены.

Голос в телефоне был спокойным и далёким, будто мужчина находился не у подножия колеса, а в кабинете с закрытым окном. Лариса видела его внизу: синяя куртка возле складного стола, светлая макушка, рация у плеча.

— Визуального, — ответила она. — Неделю назад. После жалобы на вибрацию.

— Есть заключение?

Бастрыкин стоял в нескольких шагах от спасателя и смотрел вверх. Телефон возле его уха молчал, но Лариса знала: он слушает тот же разговор через кого-то на земле.

— Есть акт.

— Что в нём?

В динамике хрустнуло. Голос растянулся, пропал и вернулся обрывком:

— ...слышу... повторите...

— В акте указан временный режим эксплуатации, — сказала Лариса громче. — Полное обследование было перенесено.

— По чьему решению?

Она посмотрела на Асю. Дочь не отводила глаз.

— Я подписала рекомендации.

Телефон щёлкнул и замолчал.

— Алло? — Лариса прижала его к уху. — Вы меня слышите?

На экране ещё шёл отсчёт вызова. Потом цифры исчезли. Вместо полоски сети появился пустой треугольник.

Снизу ожил громкоговоритель:

— Нечаева, повторите последнюю фразу.

Лариса набрала номер. Вызов не пошёл.

Ася подняла свой телефон.

— У меня тоже нет сети.

По соседним кабинкам почти одновременно сообщили то же самое. Городской канал перестал обновляться, сообщения зависли с серыми часиками, звонки не проходили. Алёна включила микрофон, но с земли ответил только низкий гул.

— Рации глушат? — предположил Денис.

— Никто ничего не глушит, — сказала Лариса.

— А откуда вы...

— Денис, — перебил Тимур, — давай хотя бы одну теорию в минуту.

Громкоговоритель повторил просьбу выйти на связь. Теперь Лариса слышала в голосе старшего смены не спокойствие, а усилие сохранить его.

Она высунулась к форточке.

— Связи нет! — крикнула она.

Слова ушли вниз и растворились задолго до земли. Спасатель повернул голову к коллеге, словно что-то услышал, но

разобрать не смог.

— Микрофон, — сказала Лариса.

Алёна уже пыталась. Она подняла приёмник над головой, повернула его боком, постучала ногтем по корпусу.

— Батарея полная. База внизу, без неё я просто женщина с дорогой палкой.

— Не просто, — отозвался Роман. — Вы единственная женщина с дорогой палкой на высоте сорок метров.

— Спасибо, Роман. В резюме напишу.

Тимур направил телефон вниз и несколько раз включил фонарик.

— Если голос не доходит, свет дойдёт.

— Они решат, что вы снимаете, — сказал Денис.

— Тогда сниму очень содержательно: три минуты серой макушки.

Тимур дал три короткие вспышки, выдержал паузу и повторил. Внизу никто не отреагировал. За ограждением десятки зрительских экранов мигали сами по себе, и его сигнал терялся среди них.

— Нужен порядок, — сказала Алёна. — Не просто моргать.

— Азбука Морзе? — предложил Митя.

— Ты её знаешь? — спросила Зоя.

— Нет. Но она существует.

— Я знаю SOS, — сказал Денис. — Три коротких, три длинных, три коротких.

— И что нам ответят? — спросила Инга. — «Поздравляем, вы подали международно узнаваемый сигнал бедствия с колеса, возле которого уже стоят спасатели»?

— Тогда что?

Алёна посмотрела вниз, будто оценивала не расстояние, а зал перед началом праздника.

— Ведущему не нужен полный язык, — сказала она. — Ему нужны команды, которые нельзя перепутать. Свет включён — внимание. Один короткий — да. Два — нет. Длинный — сообщение не закончено. Частые — опасность, остановитесь.

— Почему именно так? — спросил Тимур.

— Потому что я сейчас это объявлю всем, а вы перестанете изобретать варианты.

Она включила бесполезный микрофон и заговорила в него по привычке, хотя голос и без усиления был поставлен так, что ближайшие кабины слышали каждую согласную.

— Внимание, пассажиры «Панорамы». Вводим световой код. Один короткий сигнал означает «да» или «принято». Два коротких — «нет». Один длинный — «продолжение». Частые вспышки — «немедленно остановиться». Не используем фонарики без команды. Передайте дальше.

— А буквы? — спросил Митя.

— Букв пока нет.

— Тогда это не алфавит.

— Это алфавит для взрослых. В нём четыре слова, и два

означают, что лучше ничего не делать.

Фразу передали по кругу. В дальней стороне кто-то переспросил значение двух вспышек, кто-то предложил три для вызова врача. Алёна отклонила дополнение.

— Чем больше сигналов, тем больше ошибок. Врач уже здесь — Инга. Спасатели уже внизу. Нам нужно, чтобы они смотрели на нужную кабину и понимали ответы.

— Как заставить их смотреть? — спросила Лариса.

Тимур снял с шеи ремень камеры. На ремне были пришиты две полосы светоотражающей ткани.

— Вот этим.

Он высунул ремень в форточку и медленно повёл из стороны в сторону. Полосы вспыхнули в луче прожектора, которым спасатели водили по колесу.

Внизу синяя фигура подняла руку.

— Видят! — крикнул Денис.

Тимур дал одну вспышку фонариком. Спасатель ответил лучом прожектора — один раз закрыл его ладонью.

По кабинкам прошёл радостный гул.

— Не празднуем связь до первого сообщения, — сказала Алёна. — Тимур, длинный. Потом покажите на Ларису.

— Как я покажу на неё через кабину?

— Светом.

Тимур направил фонарик на четырнадцатую, но луч ударил Ларисе в глаза. Она прикрылась ладонью.

— Ниже!

Свет скользнул по днищу её кабины. Внизу прожектор переместился следом.

— Приняли, — сказала Алёна. — Теперь они знают, откуда будет ответ.

Громкоговоритель тут же ожил:

— Четырнадцатая кабина, если слышите, подайте один короткий световой сигнал.

Ася включила фонарик на секунду.

С земли ответили так же.

— Четырнадцатая, можете ли сообщить содержание акта? Один сигнал — да, два — нет.

Лариса посмотрела на Асю. Та держала телефон, готовая нажать.

Содержание акта нельзя было передать одним «да». Назвать по крику формулировки тоже невозможно. Даже если ветер донесёт половину, половина станет официальной правдой.

— Два, — сказала Лариса.

Ася дала две вспышки.

— Есть ли у вас иной способ передать письменное сообщение?

— А вот это хороший вопрос, — сказал Роман.

Он поднял коробку с пирожными. Крышка была перевязана тонким белым шнуром крест-накрест, а сбоку болтался декоративный бант.

— Упаковочный, — сразу сказала Лариса. — Не выдер-

жит человека.

— Я не предлагал человека. Я пока даже пирожное ему не доверю. Но записку — вполне.

— До земли не хватит, — заметила Ася.

— До земли нет. До соседей хватит.

Роман развязал бант, не вставая. Шнур оказался длиннее, чем выглядел: он проходил под коробкой дважды и удерживал картонную подложку. Роман тянул его осторожно, а коробка начинала расползаться.

— Держите крышку, — посоветовала Алёна.

— Я кондитер. Я знаю, где у коробки слабые места.

— Тогда почему она открывается?

— Потому что слабое место сейчас я.

Он прижал крышку коленом и вытянул весь шнур. Получилось метров восемь, не больше.

— Между кабинками передадим, — сказал Тимур. — А вниз как?

— У спасателей есть шест или верёвка, — ответила Лариса. — Если опустят колесо резервно хотя бы на одну позицию...

Она остановилась.

— Вы же запретили запуск, — напомнил Денис.

— И запрещаю. Значит, не опустят.

С земли снова спросили про письменное сообщение.

— Один, — решила Алёна. — Пусть знают, что способищем.

Ася дала сигнал.

Тимур рассматривал ремень камеры.

— У меня страховочный шнур на кофре, ещё метра полтора. У Дениса шнурки.

— Нет, — сказал Денис.

— Ты всё равно в ботинках сидишь.

— В свадебных ботинках. Я не полезу потом по Яровску босиком.

— Спасатели вынесут тебя на руках.

— Пусть лучше пирожные вынесут.

— У меня есть лента от бейджа, — сказала Алёна. — И провод микрофона короткий.

По цепочке начали перечислять всё длинное, что было в кабинах: ремни сумок, шарфы, зарядный кабель, пояс плаща, шнур от капюшона. Лариса остановила торг.

— Ничего не связываем до команды спасателей. Узлы разойдутся, предметы упадут на людей внизу. Сначала передадим записку к самой нижней кабинке. Там расстояние до служебной площадки меньше.

— Как передадим через весь круг восемью метрами? — спросил Роман.

— По очереди. Из кабины в кабину.

— Кабины не рядом, — сказал Тимур. — Между нами пролёт.

— Шнур лёгкий. Можно раскатать грузик.

Лариса тут же услышала собственные слова и добавила:

— Только руками, без перемещения людей и только между ближайшими окнами. Если спасатели разрешат.

— А грузик какой? — заинтересовался Митя.

— Никаких телефонов, — сказала Зоя.

Роман открыл коробку и вынул пластиковый нож.

— Вот. Лёгкий, широкий, никого не убьёт и наконец принесёт пользу.

— Он для торта, — сказала Алёна.

— Сегодня у него повышение.

Громкоговоритель передал разрешение на передачу лёгкой записки только по ближней цепочке кабин, без попыток спустить что-либо самостоятельно. Спасатели просили указать номера пассажиров, самочувствие и все замеченные повреждения.

— Номера кабин у нас не все, — сказала Ася.

— Зато есть список, — ответила Лариса.

Они составили записку на обороте рекламной карточки из сумки Алёны. Ася писала крупно, чтобы прочесть можно было даже при плохом свете: кабина, имена, состояние. Зоя и Митя — стабильно, ингалятор возвращён. У остальных травм нет. Четырнадцатая — Лариса Нечаева, Ася Нечаева. Перезапуск не проводить до обследования.

— «На основании акта от...» — начала Лариса и замолчала.

Дата была у неё в памяти. Номер акта тоже. Рука Аси ждала над карточкой.

— Пиши дату, — сказала Лариса.

Ася записала.

— И номер.

Когда цифры появились на бумаге, Лариса почувствовала странное облегчение. Факт перестал зависеть от качества связи и от того, хватит ли ей смелости повторить его вслух.

— Повреждения? — спросила Ася.

— Мы не видим узел снизу, — ответила Лариса.

Тимур наклонился к своей камере.

— Я вижу кое-что сверху.

Он перелистал снимки, сделанные до запрета двигаться. На одном колесо уходило диагональю вниз, а за ним синела река. На другом был крупный план соседней подвески. Тимур увеличил изображение и перестал улыбаться.

— Лариса, посмотрите.

Он протянул камеру к окну, но между кабинками оставалось несколько метров воздуха.

— Опишите.

— На металлическом... не знаю, кольцо. Тёмная линия. И край будто светлее.

— Где именно?

— Под нами, ближе к центру. Я снимал, когда искал ракурс на театр.

— Покажите спасателям, когда спустят.

— А если им нужно сейчас?

Тимур достал из кофра маленький карманный принтер.

Денис посмотрел на него с уважением, которого до сих пор не достаивалась ни одна фотографическая принадлежность.

— Ты носишь принтер на прогулку?

— Я снимаю свадьбы. Люди готовы простить фотографу почти всё, если через минуту получают карточку.

— А бумага?

— Шесть листов.

— Берегите, — сказал Роман. — У нас впереди может быть пять свадеб и один развод.

Принтер соединился с камерой без сети. Пока он тихо жужжал, все слушали этот звук как работу сложного спасательного прибора. Из щели выполз прямоугольник. Сначала серый, он медленно набрал цвет: часть обода, косая спица, крепление, блеск металла.

Лариса всё равно не могла рассмотреть изображение через пролёт.

— Приложить к записке? — спросил Тимур.

— Да, — сказала она. — Не сгибайте снимок.

— Что там? — спросила Ася.

— Возможно, след на металле.

— Трещина?

— Возможно.

— Опять это слово.

— На фотографии нельзя ставить диагноз конструкции.

— А в акте можно?

Лариса не ответила. Алёна объявила начало передачи.

Первым шнур принимал Денис. Роман привязал пластиковый нож к концу, завернул записку и фотографию в прозрачный пакет от салфеток и закрепил выше. Затем, не вставая, опустил груз за форточку и лёгкими движениями заставил его качнуться к соседней кабине.

С первого раза нож ударился о стенку и отлетел. Со второго Денис поймал его за рукоятку.

— Есть! — крикнул он.

— Не тяни резко, — предупредил Тимур.

Денис отвязал пакет, а свободный конец шнура закрепил на ремне камеры. Теперь Тимур мог передать груз дальше. Вся операция была нелепо медленной: взрослые люди над вечерним городом ловили пластиковый нож, как дети во дворе передают тайную записку через балкон. Но после каждой удачной передачи по кабинам шёл один короткий световой сигнал — принято.

Алёна считала этапы. Инга следила, чтобы никто не тянулся слишком далеко. Роман сматывал вернувшийся шнур на ладонь. Митя называл номера кабин. Зоя поправляла его, даже когда он не ошибался.

На дальней стороне возник разрыв: одна из кабин была пустой. Пришлось вести пакет по ближней дуге, в обратную сторону, где расстояния между окнами казались больше. Шнур дважды запутался вокруг ножа. Один раз пакет повис ниже днища, и все замолчали, пока пассажир по име-

ни Станислав не поймал его шарфом.

— Свет! — командовала Алёна.

Один короткий. Принято.

С земли отвечали тем же. Спасатели следили за движением маленького пакета прожектором, не торопили и не давали новых указаний.

Когда записка дошла до нижней кабины, до служебной площадки оставалось всё равно слишком далеко. Внизу подготовили лёгкий бросательный конец с ярким мешочком. Громкоговоритель велел пассажирам ничего не ловить руками, пока верёвка не коснётся пола кабины.

Мешочек взлетел только с третьей попытки. Первый бросок не достиг окна, второй ударился о днище. На третьем яркое пятно перелетело через форточку и упало между сиденьями.

Пассажиры нижней кабины прикрепили пакет к верёвке. Спасатель медленно выбрал слабину.

Белый прямоугольник поплыл вниз в луче прожектора.

В четырнадцатой Ася сжала руку Ларисы. Неосознанно, всего на секунду. Потом отпустила, но Лариса успела почувствовать холодные пальцы дочери.

Пакет оказался в руках старшего смены. Он раскрыл его на складном столе. Рядом сразу появились Бастрыкин, электрик и ещё двое спасателей. Мужчина в синем прочитал карточку, провёл пальцем по строке с датой и номером акта.

Потом достал фотографию.

Лариса увидела перемену даже с высоты. Спасатель перестал читать и наклонился над снимком. Электрик потянулся к нему. Бастрыкин попытался взять карточку, но мужчина в синем отвёл руку и сказал что-то коллеге.

Прожектор погас.

На секунду колесо осталось только в свете города.

Потом луч включился снова и медленно пошёл вверх вдоль обода, задерживаясь на каждом соединении.

— Они ищут то место, — сказал Тимур.

Лариса следила за светом. Он поднимался к участку, который она неделю назад видела с земли, затем ушёл выше. С такого угла трещину — если это была она — можно было не заметить. Но фотография сохраняла ракурс, случайный и потому беспощадный.

Громкоговоритель треснул.

— Пассажиры, передачу получили. Перезапуск отменён. Ожидайте дальнейших команд.

По кабинам прошёл выдох.

Ася не радовалась. Она смотрела на мать.

— Теперь фотография у них, — сказала она. — А твой ответ всё ещё у тебя.

Внизу Бастрыкин поднял лицо к колесу. Даже на расстоянии Лариса поняла: он узнал участок на снимке.

И она тоже его узнала, ещё не увидев.

Глава 6. Подпись

Фотография вернулась к ним не по воздуху, а через чужие слова.

Старший смены держал снимок под прожектором и говорил в громкоговоритель медленно, будто описывал вещь человеку с закрытыми глазами:

— На изображении виден узел подвески в северо-восточном секторе. На наружной кромке — тёмная линия длиной примерно в ладонь. Рядом участок свежего металла. Четырнадцатая кабина, вы можете подтвердить расположение?

Лариса посмотрела вниз. С высоты северо-восток был не направлением, а куском города: тёмная вода, крыша театра, три фонаря на набережной. Она могла указать участок без фотографии. Могла бы сделать это неделю назад, стоя под колесом с планшетом и слушая, как Бастрыкин объясняет, почему понедельник хуже воскресенья для любого ремонта.

— Один сигнал — да, два — нет, — напомнила Ася.

— Да.

Телефон вспыхнул один раз.

Луч прожектора остановился на соединении ниже кабины Тимура. Отсюда тёмная линия не была видна, но Лариса узнала две соседние накладки: на одной краска легла гладко, на другой остался наплыв, похожий на засохшую каплю. В акте этот участок назывался иначе — сухо и удобно: узел

НВ-4.

НВ-4 не звучал как место, под которым однажды окажутся люди.

— Это оно? — спросила Ася.

Лариса кивнула.

— Ты даже не посмотрела фотографию.

— Я вижу, куда направили свет.

— И знаешь обозначение.

Ася произнесла это не вопросом. Лариса отвернулась к окну, хотя спрятаться в стеклянной кабине было негде.

Неделю назад под колесом пахло мокрой листвой и горячей краской. Сезон собирались закрывать через восемь дней. Бастрыкин пришёл на осмотр без куртки, в одной белой рубашке, и всё время растирал предплечья, словно холод был аргументом против долгого разговора.

Лариса тогда отметила три пункта. Два требовали обычной подтяжки и контроля. Третий — тот самый НВ-4 — дал глухой отклик при простукивании, а возле края накладки проступила ржавая нить.

— Снимаем сектор с работы до обследования, — сказала она.

Бастрыкин посмотрел не на узел, а на очередь у кассы.

— До какого обследования?

— С доступом к соединению. Очистка, измерения, дефектоскопия. Потом решение.

— Это сколько?

— Если бригада свободна — день. Если нет, дольше.

— «Дольше» — это не срок.

— Потому что у меня нет договора с бригадой.

— А у меня есть зарплата сорока семи человек и последнее воскресенье сезона. Давайте без театра, Лариса Сергеевна. Вы видите трещину?

Она не видела. Она видела признаки, которых было достаточно, чтобы остановиться и проверить. Но между «достаточно для остановки» и «трещина подтверждена» лежала щель, куда обычно помещались бюджеты, планы, обещания и чужая уверенность.

Бастрыкин предложил временный режим: ограничить загрузку, усилить визуальный контроль, делать паузы между циклами. Полное обследование — сразу после закрытия сезона. Он говорил, что не просит признать конструкцию исправной. Только отделить срочное от планового.

Лариса переписала вывод. Не «эксплуатацию прекратить», а «эксплуатация допустима во временном режиме при выполнении ограничений». НВ-4 ушёл из перечня срочного ремонта в приложение к послесезонному обследованию.

Подпись она поставила синей ручкой Бастрыкина. Её собственная перестала писать на первой букве фамилии, оставив на бумаге царапину. Пришлось обвести «Н» заново. Получилась тяжёлая, почти двойная линия.

Теперь такая же линия была на металле.

— Лариса! — голос Алёны вернул её в кабину. — Они

спрашивают вас.

Громкоговоритель повторил:

— Четырнадцатая, известен ли вам характер повреждения?

Лариса ответила не сразу.

Световой код требовал простого выбора. Да или нет. Он не предусматривал «мне известно достаточно, чтобы бояться, но недостаточно, чтобы назвать причину». Инженерные документы любили такие оговорки. Фонарик — нет.

— Два, — сказала она.

Ася не нажала.

— Ты не знаешь?

— Я не могу подтвердить характер повреждения по снимку.

— Это не то же самое.

— Ася, два сигнала.

Дочь смотрела на неё ещё секунду, потом дважды закрыла фонарик ладонью.

— Известно ли вам, — продолжил спасатель, — может ли штатный привод использоваться для поочерёдного спуска кабин?

— Нет, — быстро сказала Лариса. — То есть использовать нельзя. Один сигнал на вопрос «известно ли».

— Хороший у нас язык, — отозвался Роман. — Четыре слова, а уже можно поссориться с грамматикой.

— Передайте: перезапуск опасен, — сказала Лариса.

— Мы не можем передать предложение, — напомнила Алёна.

— Тогда попросите их задать вопрос правильно.

Алёна подняла микрофон, но громкоговоритель уже ожил:

— Считаете ли вы запуск штатного привода опасным? Один — да, два — нет.

— Один.

Вспышка ушла вниз. Ответом была короткая пауза, затем старший смены попросил всех оставаться на местах. Спасатели отодвинули Бастрыкина от складного стола. Тот не подчинился сразу: наклонился к снимку, что-то сказал, указал на техническое здание. Мужчина в синем выслушал и покачал головой.

— Вот, — сказала Лариса. — Перезапуска не будет.

— Почему вы так уверены? — спросил Тимур.

В его голосе не было прежней лёгкости. Он стоял у окна с камерой на коленях и смотрел не вниз, а на кабину Ларисы.

— Потому что спасатели получили фотографию.

— Фотографию сделал я. Я не знаю, что на ней.

— На ней возможное повреждение нагруженного соединения.

— Это я уже слышал. Почему от него опасно включать привод?

Лариса выбрала самые точные слова из тех, которые не были признанием.

— При движении меняется нагрузка на сектор. Если повреждение развивается, мы не можем предсказать, как узел поведёт себя под повторной нагрузкой.

— Но раньше вы сказали, что по фотографии нельзя поставить диагноз конструкции.

— Нельзя.

— А запретить можно?

— При недостатке данных выбирают действие, которое не добавляет риска.

— Это вы сейчас вообще говорите или про это колесо? — спросил Денис.

— Про это колесо.

Снизу донёсся звук мотора. Не привод — где-то возле служебного въезда завели генератор. Но по кабинкам прокатилось движение: люди одновременно повернули головы, кто-то привстал. Подвески едва заметно качнулись.

— Сидим, — скомандовала Алёна. — Это не колесо.

— Не колесо, — повторила Инга с другой стороны. — Дышим спокойно.

Гул выровнялся. На земле спасатели разматывали кабель к мачте с дополнительным светом. Белый прожектор погас, вместо него включились два жёлтых, и тени от спиц легли на кабины решёткой.

Ася опустила телефон.

— Ты была здесь неделю назад.

— Была.

— Видела этот участок.

— Видела соединение. Повреждение на фотографии могло появиться позже.

— Но ты узнала место раньше, чем они навели свет.

Разговор слышали минимум три соседние кабины. Лариса знала это по наступившей тишине. Даже Роман не вставил ни слова.

Можно было сказать: я проводила осмотр. Это уже было известно. Можно было добавить: отметила признаки. Тогда неизбежно последовал бы вопрос, почему колесо продолжило работу. За ним — акт, формулировка, подпись. И всё это пришлось бы объяснять через ветер, крики и четыре световых сигнала, пока внизу люди решали, как снять пассажиров.

Лариса сказала себе, что сейчас важнее не суд, а безопасность.

Эта мысль прозвучала слишком знакомо.

— Я знала, что этот сектор требовал внимания, — ответила она.

— Какого внимания? — спросила Ася.

— Дополнительного обследования.

— До запуска или после сезона?

Лариса провела ладонью по холодному краю сиденья. На прошлой неделе Бастрыкин задал почти тот же вопрос другими словами: срочно или планово? Тогда ответ уместился в клетку таблицы.

— По первоначальной оценке — до дальнейшей эксплу-

атации.

Где-то ниже Зоя Петровна резко вдохнула.

— По первоначальной? — переспросила Инга.

— Решение изменили после обсуждения временного режима.

— Кто изменил?

Лариса посмотрела на НВ-4. Жёлтый свет сделал наплыв краски почти чёрным. Внизу Бастрыкин разговаривал по телефону, отвернувшись от колеса. Его фигура казалась маленькой, но это ничего не меняло: давление не становилось меньше только потому, что человек был далеко.

— Я подготовила акт, допускающий ограниченную эксплуатацию до конца сезона.

Слова вышли ровно. Не вся правда, но уже не уклонение.

— Подготовила или подписала? — спросила Ася.

Лариса почувствовала под пальцами воображаемую царапину от неработающей ручки.

— Документ подписан.

— Кем?

Алёна вмешалась негромко:

— Ася, она ответит. Но давайте по одному вопросу. Нас слышат люди, которые сейчас и так решают, можно ли нас двигать.

— Именно поэтому я спрашиваю.

— И правильно, — сказала Инга. — Лариса, если в акте есть ограничения, спасателям надо знать их полностью. Не

нам — им.

— В записке есть номер и дата.

— Номер не заменяет содержание.

— Они затребуют документ у парка.

— У человека, который пять минут назад хотел включить привод? — Тимур повесил камеру на шею. — Простите, но это звучит не очень надёжно.

— Документ хранится не только у директора.

— Где ещё?

— В организации, проводившей осмотр.

— В вашей организации? — спросил Денис.

Лариса не ответила, и этого оказалось достаточно.

По цепочке, от кабины к кабине, пошли обрывки вопроса. Не все слышали слова целиком. До дальней стороны дошло: инженер проверяла колесо раньше. Обратно вернулось: кто разрешил работу? Алёна несколько раз просила не передавать догадки, но различие между фактом и догадкой уже стало тоньше упаковочного шнура.

— Стоп, — сказала она наконец таким голосом, что замолчали даже дальние кабины. — Факты на сейчас. Первый: Лариса осматривала колесо неделю назад. Второй: был акт с ограничениями. Третий: его номер у спасателей. Четвёртый: Лариса считает перезапуск опасным. Всё остальное мы не знаем.

— Пятый, — сказала Ася. — Она не отвечает, чья подпись.

— Это отсутствие ответа, а не факт о подписи.

— Удобно.

— Удобно, — согласилась Алёна. — И всё равно точно.

Лариса была благодарна ей и ненавидела себя за благодарность. Точность снова стала укрытием.

Телефон в кармане завибрировал. На экране появилось имя Бастрыкина.

Ася увидела.

— Возьми.

— Сейчас связь со спасателями важнее.

— Он звонит не спасателям.

Телефон продолжал дрожать в ладони. Лариса приняла вызов и сразу включила громкую связь.

— Да.

Несколько секунд слышался только ветер у микрофона Бастрыкина.

— Зачем ты передала номер акта? — спросил он.

Не «как вы там». Не «все ли целы». Даже не «что на снимке».

— Чтобы его нашли.

— Его уже нашли. Спасатели требуют журнал осмотров и приложение. Там временный режим соблюдён.

— Не соблюдён. При распределении пассажиров оператор просил разгружать одну сторону.

— У нас новый оператор. Он неправильно выразился.

— Колесо не понимает, как выразился оператор.

— И фотография ничего не доказывает. Блик, грязь, старая риска. Ты сама это знаешь.

— Я знаю, что до обследования запускать привод нельзя.

— Тогда объясни им, что остановка защиты и тот узел могут быть не связаны. Иначе они будут ждать высотников из области. Четыре часа минимум. У вас ребёнок наверху.

Лариса почувствовала, как соседние кабины прислушались ещё сильнее. Бастрыкин не знал, что его слышат.

— Говори так, будто ты на громкой связи, — предупредила она.

Он замолчал.

— Лариса Сергеевна, — произнёс он уже официально, — я прошу сообщить спасателям все технически допустимые варианты. Включая кратковременное перемещение в ограниченном режиме.

— Я уже сообщила: перезапуск опасен.

— На каком основании?

Вопрос прошёл по кабинкам раньше, чем голос из телефона стих. Тот же вопрос задавали Ася, Тимур, Инга. Теперь его задавал человек, который знал ответ.

Лариса могла назвать номер пункта, первоначальную формулировку, признаки на НВ-4. Могла сказать, кто настаивал на переносе и кто согласился. Вместо этого она посмотрела на людей в соседних кабинах — лица в жёлтом свете, руки на поручнях, пластиковый нож на коленях у Дениса, ингалятор в ладони у Мити.

— На основании текущей обстановки, фотографии и результатов моего осмотра, — сказала она. — Этого достаточно, чтобы не добавлять динамическую нагрузку.

— А акт?

— Акт надо передать руководителю спасателей целиком.

— Ты понимаешь, что тогда парк закроют ещё до заключения?

— Передай документ.

Она завершила вызов.

Никто не заговорил сразу. Внизу Бастрыкин медленно опустил телефон. Потом направился к служебному зданию, где хранилась документация.

— Значит, подпись его? — спросил Денис.

— Не обязательно, — ответила Алёна.

Ася смотрела на мать так, будто ответ уже получила.

— Ты сказала ему передать акт, — произнесла она. — Но не сказала, что он заставил тебя его подписать.

— Потому что он не мог заставить.

— Тогда кто подписал?

Лариса слышала, как внизу открылась металлическая дверь служебного здания. Видела, как спасатель включил фонарь и пошёл навстречу Бастрыкину. Через несколько минут документ окажется на складном столе. Ещё через несколько — кто-то прочтёт строку с временным режимом и фамилию под ней.

У неё оставалось это короткое время, чтобы назвать прав-

ду самой.

— Сейчас важно, что привод нельзя включать, — сказала она.

Ася медленно убрала телефон в карман.

— Нет, мама. Сейчас важно, откуда ты это знаешь.

Глава 7. Голосование без равных

Голос старшего смены пришёл сверху и снизу одновременно. Его повторили динамики у входа, металлическое эхо колеса и задержка в телефонах тех, кто смотрел прямой эфир.

— Пассажиры «Панорамы», внимание. Документация получена. Для эвакуации без движения колеса требуется высотная группа из областного центра. Расчётное время прибытия — до четырёх часов. Второй вариант — кратковременное включение привода для перемещения кабин в зону штатной площадки. Решение о возможности пуска сейчас обсуждается со специалистами.

Лариса не сразу поняла, что перестала дышать.

— Что значит «обсуждается»? — крикнула она вниз.

Громкоговоритель умолк. На площадке спасатель передал рацию коллеге и наклонился над разложенными бумагами. Рядом стоял Бастрыкин. Теперь он держался на расстоянии, но его палец оставался на строке акта.

— Они же отказались, — сказала Ася.

— Отказались до получения документа.

— А документ разрешает?

Лариса посмотрела на дочь. Вопрос был короткий, почти детский, и потому не оставлял места для привычной оговорки.

— Документ допускает ограниченный режим.

— С твоей подписью?

Снизу снова раздался треск усилителя.

— Просим сохранять спокойствие. Окончательное решение без согласия пассажиров принято не будет.

На дальней стороне колеса кто-то захлопал. Один раз, потом ещё. Не от радости — проверяли, слышали ли остальные. Алёна подняла микрофон.

— Четыре часа — это до прибытия или до начала эвакуации?

Спасатель ответил не сразу:

— До прибытия группы при свободной дороге. Подготовка займёт дополнительное время.

В кабинках поднялся гул. Четыре часа только что перестали быть четырьмя.

Лариса взглянула на часы: без двадцати восемь. Сумерки уже выцвели, оставив над Яровском густую синеву. В окнах домов зажигался вечер, на набережной тянулись красные точки машин, а здесь, над парком, холод наконец перестал быть неприятностью и стал обстоятельством.

Жёлтая лампа над дверью их кабины не грела. Металл под ладонью был ледяным. Ася натянула рукава толстовки на пальцы и спрятала руки между коленей.

— У кого тёплая одежда? — спросила Алёна в микрофон.
— Не машем и не встаём. Передаём голосом по порядку.

Ответы пошли по кругу. Куртки были не у всех. Днём сто-

яло неожиданное для конца сентября тепло, и многие пришли в парк налегке. У Дениса пиджак оказался плотнее, чем выглядел; он снял его и набросил на колени. Роман сообщил, что у него есть рабочая ветровка и две бумажные скатерти в коробке. Зоя Петровна привезла Мите шапку, но не перчатки. Инга была в тонком медицинском костюме под курткой и сказала, что пока не мёрзнет.

«Пока» слышали все.

— Митя, как дыхание? — спросила Инга.

— Нормально, — ответил мальчик после подсказки бабушки.

— Полным предложением, пожалуйста.

— Мне сейчас дышать нормально.

— Свист есть?

— Нет.

— Игальатор где?

— В руке.

Зоя Петровна добавила:

— Руки у него холодные.

— У всех будут холодные, — сказала Инга. — Не растирайте сильно. Шапку наденьте, молнию застегните, ноги поставьте на сумку, если она сухая. И каждые десять минут спрашивайте его про дыхание, не чаще. Если спрашивать каждую минуту, он начнёт слушать страх вместо лёгких.

— Четыре часа ребёнок не высидит, — отозвался мужчина с дальней стороны.

— Сейчас он стабилен, — возразила Инга.

— Сейчас. А через четыре?

— Я не умею отвечать за время, которое ещё не прошло.

— Очень удобно у вас у всех получается, — сказал тот же мужчина. — Инженер не отвечает, врач не отвечает. Зато ждать предлагают нам.

Инга не поправила его насчёт врача.

Лариса прижала ладонь к боковой стенке. За металлом не ощущалось никакой вибрации. Колесо стояло так спокойно, словно именно неподвижность была его естественным состоянием, а не отказом. Но каждая кабина висела на своей оси; ветер, движения людей, даже неравномерное остывание конструкции существовали независимо от привода. Неподвижность не означала отсутствия нагрузки. Она означала, что нагрузка хотя бы не менялась по команде человека.

— Алёна, дайте мне микрофон, — сказала Лариса.

Между ними было две кабины. Передать устройство было невозможно, и Алёна просто развернула его в её сторону.

— Говорите громко. Я повторяю.

Лариса встала бы, если бы не собственный запрет. Пришлось остаться на сиденье и говорить в тёмное пространство перед собой.

— Перезапуск нельзя считать безопасным только потому, что в акте есть временный режим. У нас произошла остановка защиты. Есть фотография повреждения. Причина остановки не установлена. При включении привода нагрузка из-

менится.

Алёна повторяла почти дословно. Её поставленный голос делал фразы яснее и почему-то слабее: они звучали как официальное предупреждение перед мероприятием, которое всё равно состоится.

— Что будет, если включат? — спросил Денис.

— Я не знаю.

— Худшее что?

— Не надо, — сказала Ася.

— Надо. Мы выбираем между худшим сейчас и худшим потом.

Лариса заставила себя не смотреть на НВ-4.

— Возможно, привод переместит колесо на нужное расстояние. Возможно, защита снова остановит его. Возможно, повреждение увеличится.

— Насколько увеличится?

— Этого по фотографии не определить.

— Кабина упадёт?

По цепочке прошёл шёпот. Лариса услышала, как Зоя Петровна сказала внуку: «Никуда ничего не упадёт», — и поняла, что любой её ответ теперь станет либо ложным успокоением, либо картинкой, которую Митя будет видеть следующие часы.

— У меня нет оснований утверждать, что кабина упадёт, — сказала она. — Но у меня есть основания не добавлять нагрузку до обследования.

— То есть может, — подытожил мужчина с дальней стороны.

— Она сказала не это, — резко ответила Алёна.

— А что она сказала? Переведите с инженерного.

— Что безопасным запуск никто назвать не может.

— А безопасным ожидание может?

Теперь молчала уже Инга.

Из кабины Романа донёсся сухой треск. Он разорвал одну из бумажных скатертей на полосы и обернул ими ступни поверх ботинок.

— До утра в свадебном торте я уже сидел, — сказал он.

— В колесе не пробовал. Впечатления пока хуже, зато вид лучше.

Никто не засмеялся.

Он сложил оставшуюся бумагу и передал её соседям не рукой, а привязав к упаковочному шнуру. Узел скользнул по внешней стороне ограждения, пакет зацепился за выступ и повис в метре от кабины Дениса.

— Не тяните, — сразу сказала Лариса.

Роман замер.

— Оставьте. Ветер раскачает.

— Там людям холодно.

— Если потянете, раскачаете две кабины.

— Значит, и помочь нельзя.

— Сейчас — так нельзя.

Роман отпустил шнур. Белый пакет бился о решётку,

слишком близко, чтобы о нём забыть, и слишком далеко, чтобы достать.

— Вот вам и ожидание, — сказал Денис. — Мы просто сидим и смотрим, как всё нужное висит рядом.

С площадки подали два коротких сигнала сирены. Старший смены снова поднял громкоговоритель.

— Мы готовы сообщить условия обоих вариантов. При ожидании высотной группы пассажиры остаются в кабинах. Будет организовано освещение и постоянное наблюдение. Передача вещей до прибытия группы невозможна. При ухудшении состояния кого-либо решение пересматривается.

— А второй? — крикнули сразу несколько голосов.

— При кратковременном пуске привод включается на минимальном режиме. Первая доступная кабина выводится к платформе, пассажиры покидают её, затем операция оценивается повторно. Гарантировать непрерывное движение всего колеса мы не можем.

— То есть не всех сразу, — сказала Ася.

— Никого сразу, — поправила Лариса. — Только первую кабину.

— Чью?

Они посмотрели вниз. Ближе всего к платформе находилась пустая кабина. За ней — та, где сидели двое пожилых супругов, почти не участвовавших в разговорах. Кабина Зои и Мити была значительно выше. Чтобы опустить её к выходу, колесо должно было пройти заметную часть круга.

— Митю первым не снимут, — сказала Ася.

Зоя Петровна услышала.

— А когда снимут?

Лариса прикинула положение, но не назвала число. Она не знала, какое направление выберет привод, где остановится защита и согласится ли спасатель продолжать после первого перемещения.

— После нескольких этапов, — ответила она.

— Сколько это по времени?

— Неизвестно.

— А ждать известно: четыре часа плюс подготовка.

Инга спросила Митю ещё раз. На этот раз мальчик ответил не сразу.

— Нормально, — сказал он наконец. — Только в груди холодно.

— Свист слышишь?

— Нет.

— Скажи длинную фразу без спешки.

Митя подумал и произнёс:

— Я хотел посмотреть на реку сверху, а теперь уже посмотрел и хочу вниз.

Голос у него не прерывался. Это было хорошим признаком. Но последнюю часть фразы он сказал тише, и именно её запомнили остальные.

— Он хочет вниз, — сказала Зоя Петровна. — Я за запуск.

— Подождите, — откликнулась Инга. — Его состояние

сейчас не требует немедленного перемещения. Пуск тоже не гарантирует, что его кабина окажется внизу.

— Вы отвечаете, что через пять часов с ним всё будет хорошо?

— Нет.

— Тогда я за запуск.

Первый голос был подан, хотя голосования ещё никто не объявлял.

На земле спасатели спорили у стола. Электрик в оранжевом жилете стоял у шкафа управления и держал руки на виду, словно заранее показывал, что ничего не нажимает. Бастрыкин ходил от него к старшему смены, не пересекая меловую линию. Каждый раз, когда он говорил, он показывал то на акт, то на колесо, то на людей у ограды. Толпа стала плотнее. Телефоны светились маленькими прямоугольниками.

— Они не должны перекладывать это на нас, — сказала Лариса.

— Что именно? — спросила Ася.

— Техническое решение.

— А неделю назад кто его принимал?

Лариса опустила глаза. На экране её телефона оставалось двенадцать процентов заряда. Под именем Бастрыкина висел завершенный вызов, три минуты сорок две секунды.

— Я.

— С подписью?

— Ася, сейчас не время.

— У тебя всё время не время. До осмотра было рано. После акта — уже поздно. Наверху — опасно. Когда наступает твоё время говорить?

Лариса почувствовала, как холод поднимается не от пола, а изнутри.

— Я прошу голосовать против запуска.

— Я слышала. Почему я должна тебе верить?

— Потому что я понимаю риск.

— Ты понимала его неделю назад.

— Не полностью.

— А сейчас полностью?

— Нет.

Ася кивнула, словно именно такого ответа ждала.

— Тогда у нас не голосование. У нас твой страх против нашего холода.

— Это не мой страх.

— А чей?

Лариса могла ответить: общий. Могла указать на снимок, на защиту, на металл. Но общим риск становился только после того, как она назвала бы собственную долю. Пока она прятала подпись, опасность звучала как очередное распоряжение человека, который однажды уже привёл дочь сюда без её согласия.

Алёна тем временем договаривалась со спасателями о порядке. По одному голосу от каждой занятой кабины; при разногласии внутри кабины — воздержание. Итог не будет тех-

ническим разрешением, подчеркнул старший смены, но спасатели учтут выбор пассажиров вместе с заключением специалистов.

— Специалисты — это кто? — спросил Тимур.

— Наш инженер, представитель парка и инженер Нечаева.

— Представитель парка за запуск, — сказал Денис. — Нечаева против. Ваш инженер?

Старший смены прикрыл микрофон ладонью, посоветовался с мужчиной в каске и ответил:

— Не исключает кратковременное перемещение при постоянном контроле.

По кабинкам прокатилось облегчение. Не потому, что прозвучало «безопасно», а потому, что длинное «не исключает» люди услышали как разрешение.

— Он не видел узел вблизи, — сказала Лариса.

— И вы не видели сегодня, — напомнил Тимур.

— Я видела его неделю назад.

— Тогда почему колесо работало?

Вопрос обошёл круг быстрее любого ответа.

Лариса посмотрела на Алёну. Та не стала её спасать.

— Прошу перед голосованием дать мне минуту, — сказала Лариса.

— Давайте, — ответила ведущая.

Лариса собрала слова так, как собирала вывод акта: сначала наблюдаемое, затем границы знания, затем рекомендация. Остановилась. Именно такой порядок уже позволил ей

однажды спрятать главное в приложении.

— Неделю назад при осмотре я обнаружила признаки, требовавшие дополнительного обследования. Сегодня остановилась защита, и на фотографии виден тот же участок. Мы не знаем, связаны ли эти события. Пока связь не исключена, включение привода добавляет риск. Я голосую против и прошу остальных сделать то же.

На последних словах её голос окреп. Хорошая профессиональная формулировка. Точная. Недостаточная.

— А акт? — спросила Ася.

Лариса продолжала смотреть вперёд.

— В нём был предусмотрен временный режим.

— Кто подписал?

— Документ у спасателей.

— Фамилия, Лариса Сергеевна, — сказал Тимур. Он впервые назвал её по отчеству. — Там ваша фамилия?

Она могла произнести одно слово. «Моя». Оно ничего не меняло в металле, не отменяло остановку, не ускоряло высотную группу. Оно только отнимало у неё право выглядеть человеком, который всё время предупреждал остальных.

— Сейчас мы решаем, двигать ли колесо, — сказала Лариса.

— Понятно, — ответил Денис.

Это «понятно» оказалось хуже обвинения.

Алёна начала с дальней стороны. Голоса передавали по цепочке, и каждый следующий слышал предыдущие.

Первая кабина — за ожидание. Вторая — за запуск. Третья — за запуск. Пожилые супруги у платформы долго спорили; женщина хотела ждать, мужчина боялся, что при спуске не сможет быстро выйти. Их голос записали как воздержание.

— Кабина Романа? — спросила Алёна.

— За запуск, — ответил он. — И прежде чем вы скажете: я услышал про риск. Но четыре часа на ветру — это тоже не пирожное с кремом.

— Кабина Инги?

— За ожидание, пока состояние Мити стабильно.

— Кабина Зои Петровны и Мити?

— За запуск, — сказала Зоя Петровна.

Митя что-то возразил ей, но до соседей дошли только отдельные слова: «бабушка» и «не из-за меня».

— Голос кабины один, — напомнила Алёна.

— Мы за запуск, — повторила Зоя.

— Кабина Дениса?

Он посмотрел на белый пакет, застрявший между ним и Романом.

— За запуск.

— Тимур?

— За запуск.

— Наша кабина — ожидание, — сказала сама Алёна.

Оставались Лариса и Ася. Остальные голоса уже давали большинство запуск, но не настолько большое, чтобы их вы-

бор стал пустой формальностью. Алёна назвала номер четырнадцать.

— Против запуска, — сказала Лариса.

— Я за, — сказала Ася одновременно.

Они повернулись друг к другу.

— Внутри кабины разногласие, — произнесла Алёна после паузы. — Воздержание.

— Нет, — сказала Лариса. — Ася не специалист.

Дочь отшатнулась, будто мать толкнула её.

— Тогда зачем вообще спрашивать пассажиров?

— Я не это имела в виду.

— Именно это. Когда мой голос тебе подходит, я взрослая и сама подала заявку в другой город. Когда не подходит — я не специалист.

— Речь о конструкции.

— Нет. Речь о том, что ты опять решила, чьё согласие считается.

Кабина качнулась от её движения. Совсем немного. Лариса автоматически подняла руку, но не коснулась дочери.

— Не вставай, пожалуйста.

— Я сижу.

— Итог, — сказала Алёна, не давая ссоре разрастись. — За ожидание — пять кабин. За запуск — девять. Воздержались — две. Ещё три не ответили из-за связи.

Математика прозвучала окончательнее любой инженерной оценки.

Старший смены повторил цифры. Затем сообщил, что сам по себе итог не является командой и что решение примут после контрольного осмотра с земли. Люди уже не слушали оговорку. В нескольких кабинах начали застёгивать одежду и убирать вещи с пола, словно посадка приближалась.

— Не перемещайтесь, — попросила Лариса. — До команды сидите так же.

— Теперь можно командовать? — спросил мужчина с дальней стороны.

— Это не команда. Это просьба не менять нагрузку.

— Вы уже попросили нас ждать. Большинство решило иначе.

— Большинство не может изменить состояние металла.

— А ваша подпись могла?

Лариса не знала, кто крикнул. Голос пришёл из темноты и не нуждался в имени.

На площадке инженер спасателей обошёл колесо, останавливаясь у каждой опоры. Луч его фонаря скользнул по НВ-4, задержался, ушёл. Осмотр с земли не мог показать границу трещины под накладкой, если трещина там была. Не мог подтвердить, что её нет. Лариса знала это. Но теперь любое её объяснение упиралось в тот же вопрос: если данных было недостаточно сегодня, почему их хватило неделю назад?

Бастрыкин подошёл к громкоговорителю. Старший смены не отдал его, и тогда директор сказал что-то ему в лицо. Спасатель выслушал, повернулся к инженеру в каске. Тот кив-

нул один раз.

— Что они решили? — спросила Зоя Петровна.

Никто не ответил.

У шкафа управления электрик надел перчатки. Его движения были медленными и заметными. Он открыл дверцу, проверил приборы, закрыл её, снова открыл. Ритуал осторожности выглядел убедительнее страха Ларисы.

Телефон у неё завибрировал. Сообщение пришло от Ба-стрыкина.

«Короткий ход. Под контролем. Иначе замёрзнете».

Она показала экран Асе.

— Это должно доказать, что он плохой? — спросила дочь.

— Это доказывает, что решение ещё можно остановить.

— Кем?

Лариса набрала: «Моя подпись под актом не подтверждает безопасность после срабатывания защиты. Я официально возражаю против пуска». Отправила. Потом переслала то же сообщение на номер старшего смены, который Алёна продиктовала всем десять минут назад.

Галочка появилась только одна.

— Связь ушла, — сказала Лариса.

— Передайте светом, — предложила Ася.

Четыре сигнала не умели сказать «официально возражаю». Они умели только «да», «нет», «нужна помощь» и «повторите».

Лариса взяла фонарик.

— Они ещё не задали вопрос.

— Тогда задай сама. Один сигнал — нет.

— Нет чему?

— Запуску. Ты же хочешь, чтобы тебя поняли без объяснений.

Лариса направила луч вниз и трижды закрыла его ладонью: нужна помощь. На площадке заметили. Старший смены поднял голову.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.